

Тальцы • 2(25) • 2005

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ю.П. Лыхин, Г.Б. Красноштанов. Бараковы на реке	
Лене	3
Р.Л. Яковец. Родословие Калусовских из Могилёва	18
Л.Е. Латышева. Купцы Шишевы в Иркутске	38
Н.Н. Михайлова. Родословие Бессоновых	53
А.Г. Байгородин. Родова. очерк	74

ВОСПОМИНАНИЯ

М.А. Медведева. Пять поколений Медведевых	89
С.И. Медведев. Немного о М.А. Медведевой и некоторые штрихи к родословной Медведевых	100

НАМ ПИШУТ

В.А. Тараканов. Драгоценный дар	109

У НАС В ГОСТЯХ

А.В. Краско. Институт генеалогических исследований в Санкт-Петербурге	115

ДНИ ПАМЯТИ	120

НОВЫЕ КНИГИ	122

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

Стихи	124

НА ДОСУГЕ

Как детей своих воспитать в поучении и страхе божьем	130

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»
Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952)
33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редакторы-составители номера: Ю.П. Лыхин, С.А. Гурулёв

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: О.А. Стафеева

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — Иркутск, Большая улица. Фото 1907 г.

С. 2 — Военный гидрограф и полярный исследователь Федор Андреевич Матисен (1872–1921). Фото начала XX в. (к родословной Бессоновых).

С. 3 — Пикник под Иркутском (в центре — супруги Бессоновы). 1910-е гг.

— Воспитанницы Института императора Николая I. Иркутск, около 1899 г. Во втором ряду третья слева — А.В. Гейбович (к родословной Бессоновых).

С. 4 — Дети на солнышке. Фото И.М. Портнягина, начало XX в.

Подписано в печать 25.08.05. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 7,33. Тираж 1000 экз. Заказ № 5156. Цена свободная.

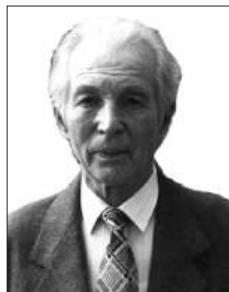
Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101,
тел. 230-144, 99-26-27, 999-003

БАРАКОВЫ НА РЕКЕ ЛЕНЕ

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-
этнографического музея
«Талыцы», член общества
«Родословие», г. Иркутск*

*Георгий Борисович
Красноштанов,
исследователь,
г. Москва*

Погружаясь в работу над собственной родословной, в какой-то момент вдруг замечаешь, что «возвращенное» тобой родословное древо стоит в окружении множества других, не менее красивых и ветвистых деревьев. Этот момент наступает тогда, когда, исследовав свою прямую мужскую линию, приступаешь к изучению женских линий, а женских фамилий в любом роду не один десяток. Таким образом, исследователь оказывается в родословном «лесу», путешествие по которому неизбежно ведет к изучению истории целого региона, а то и всей страны. Оба автора данной статьи в полной мере прочувствовали это на себе. Так, исследование, казалось бы, частной родословной Лыхиных превратилось в изучение истории заселения и освоения Приленья, а выявление непосредственных предков вызвало у автора ощущение, что он в родстве (пусть отдаленном) с половиной населения Киренского района Иркутской области. Изучение же родословной Красноштановых привело к необходимости прояснить неизвестную до сих пор историю черкас — запорожских казаков, сосланных на Лену в XVII веке, а это сегодня история международная. В 1638 году

черкасы из Украины, находившейся тогда под властью Польши, спасаясь от гонений поляков, вышли в Московское государство и были определены на русскую службу. Однако служба под началом русских воевод черкасам пришлась не по душе, и через три года они попытались бежать обратно в Украину. Часть из них была поймана, и дело кончилось тем, что в 1642 году их сослали в пашенные крестьяне в Сибирь. Большая часть черкас, свыше 60 семей, попала на Лену, став основателями многих деревень и дав начало не одному ленскому роду.

И еще один небезынтересный момент открывается в генеалогии ленских жителей. Когда доводишь родословные линии до XVII века, времени первоначального заселения Приленья, зачастую оказывается, что они сводятся к одним и тем же именам пашенных крестьян, число которых в середине того столетия было совсем небольшим.

Все это можно заметить, исследуя едва ли не любую ленскую родословную. Сегодня мы остановимся на родословии Бараковых, еще одной женской линии в родословной Ю.П. Лыхина, одна из пррабабушек которого носила в девичестве эту фамилию. Поколенная роспись рода Бараковых будет представлена только той линией, которая ведет к упомянутой пррабабушке. Размеры журнальной статьи заставляют ограничивать имеющийся материал.

I. КОЗЬМА

Как обычно, мы ничего не можем сказать о первом представителе рода. Известно только имя, взятое из отчества его сына Андрюшки. Можно лишь предполагать, что Козьма родился в самом начале XVII века, но где — неизвестно. Зато о его потомках мы имеем гораздо больше сведений.

II. АНДРЮШКА КОЗЬМИН МИНДРОН (первая половина XVII – последняя четверть XVII в.)

Андрюшка Козьмин сын, появившийся на реке Лене в середине XVII века и оставшийся там навсегда, имел прозвище Миндрон. Что оно означало, доподлинно установить не удалось. В «Словаре русских народных говоров» близкое по написанию слово «миндра» имеет множество разнообразных значений и объясняется как «разные мелкие вещи, лоскутья, тряпье; всякая всячина», а также как «тварь, животное», «насекомые-вредители», «брюква». Это слово употреблялось, когда нужно было сказать «о чем-либо замысловатом, сложном» или «о большом количестве вещей (в особенности разбросанных в беспорядке)». В бранном смысле оно означало «дрянного, подлого человека, негодяя; сволочь», а с ударением на последний слог (миндрá) вообще — «женский половой орган».

Был Андрюшка Козьмин пашенным крестьянином деревни Кондрашиной (ныне Киренского района Иркутской области), история основания которой не так уж проста. Для нее не подходит кажущаяся обычной схема, связанная с первоначальным поселенцем: поселился имярек и дал имя деревне. История Кондрашиной переплетена с историей другой ленской деревни — Гребенями, находившейся километра на полтора–два ниже Чечуйска. В Чечуйске первую пашню отвели в 1641 году устюжанину Панфилке Яковлеву, но постоянно там жил его брат Федька Яковлев. Фамилии у братьев еще не было. В документах того времени Федьку Яковлева называли «Федька Яковлев пашенной». Его потомки, а их было много, получили фамилию Пашенных. В XVIII веке они были переселены с Лены, в основном на Аргунь.

С 1646 года на реке Лене началось поселение черкас. Их селили недалеко от тех мест, где уже было жилье. В 1646 году ниже пашни Федьки Яковлева поселили воронежского черкашенина Мартынку Михайлова. В 1647 году завезли из Енисейска новую партию черкас (их завозили частями в течение четырех лет) и к Мартынке Михайлова подселили еще трех воронежских черкас — Емельку Степанова, Ивашку Карпова Некую и Савку Федорова Коровая. Мартынко Михайлов был женат и имел сына, остальные трое были холостыми. Жили они почему-то недружно, оскорбляли Мартынку Михайлова, в результате тот бросил пашню в 1658 году и ушел из Якутского в Илимское воеводство (граница воеводств проходила тогда между Чечуйском и деревней Чугуевской). Как писалось в документах, он стал нищенствовать.

Емелька Степанов фамилию так и не получил. По его имени названа речка Емельянова, впадающая в Лену на противоположной стороне от Кондрашиной, где он имел мельницу. С первоначального места Емелька Степанов переселился сначала в деревню Сукнёву, а затем вниз по реке Лене в Ичёру. Его потомки стали носить фамилии Березовских и Емельяновых. Кстати сказать, что потомки Емельки Степанова породнились с Лыхинными, и таким образом он стал предком одного из авторов этой статьи. В то же время Емелька Степанов был другом предка Красноштановых — Стеньки Константина Красноштана. В 1641 году они вместе (а также Ивашко Карпов Некуй) работали на селитряной варнице недалеко от села Костёнки (ныне Хохольский район Воронежской области), где жили воронежские черкасы. Когда воронежские черкасы бежали обратно в Польшу, то те, кто работал на варнице, даже и не знали об этом. Один из них приехал в Костёнки и увидел,

Река Лена вблизи Чечуйска. Фото Ю.П. Лыхина, 2000 г.

что никого нет. Тогда они тоже решили бежать, но, проблуждая в степи две с половиной недели, замученные голодом, вышли к крепости Усерд и сдались. После этого Стенька Константинов Красноштан, Ивашко Карпов Некуй и Емелька Степанов были сосланы служить стрельцами в понизовый город Яранск (ныне Кировская область). В 1642 году их с другими черкасами отправили на Лену в пашенные крестьяне. По пути они пять лет прожили в Енисейске, прибыв на Лену в 1647 году.

Савка Федоров Коровай до ссылки на Лену был женат и имел детей, но они потерялись во время побега. Их кто-то захватил и сделал холопами. Когда Савка Федоров приехал на Лену, он писал челобитную, чтобы жену нашли и послали на Лену, но ее так и не прислали. После этого Савка Федоров женился вновь, известно, что у него был сын — Коземка Савин Короваев, пахавший в Кондрашиной, а позже переселившийся в Пеледуй.

Зaimку, где жили перечисленные черкасы, стали называть Гребени, что связано, видимо, с именованием гребенских казаков, живших по реке Тереку (на р. Акташ, рядом с Тереком, находилось уроцище Гребени), хотя к гребенским казакам вновь поселившиеся никакого отношения не имели. Так как пашню в Гребенях в весенние половодья часто топило, то черкасы подали челобитную, чтобы их переселили на другое место. Емелька Степанов в 1659 году переселился в Сукнёву, а Савка

Федоров Коровай в 1661 году упоминался на заимке, которая позже стала называться Кондрашиной. Ивашко Карпов Некуй остался в Гребенях, но в Кондрашиной имел отъезжую пашню. Эту новую заимку тогда называли «Другие Гребени». Туда же в 1661 году из Сукнёвой переселился Малафейка Яковлев Чашиних, а в старых Гребенях он пахал наездом. В 1662 году Малафейка Яковлев хотел уйти в монастырь в Енисейске, но по дороге узнал, что его жена вышла за другого и бросила детей. Тогда он возвратился обратно. Дальнейшая судьба его неизвестна, но вниз по Лене, видимо от его потомков, появилась деревня Чашинская (Частых).

Кроме Савки Федорова и Малафейки Яковлева в 1661 году в Других Гребенях жил еще один пашенный крестьянин — основатель села Сполошино Ивашко Семенов Тентюков. Этот ссыльный «московский стрелец» служил в Якутске, затем попросился в пашню, поселившись, по челобитной 1651 года, на «Сполошном лугу». Переселившись в Другие Гребени, Ивашко Тентюков пережил целый ряд жизненных неудач, вместе с семьей бежал в Енисейск, был пойман, привезен обратно на Лену, из пашни вновь попросился в службу и был отправлен в Якутск. Есть документы, свидетельствующие, как он из Якутска выезжал на рыбный промысел. Это тоже была служба. Его сын Мишка был поверстан в казаки и послан на Колыму.

Но вернемся к Другим Гребеням. В 1662 году первопоселенец заимки Савка Федоров Коровай умер. Перед смертью его по приказу приказчика Ивана Жеглова были батогами за утайку снопов. У Савки был работник, бывший «промышленный человек», Кондрашка Федоров Верещагин, который женился на Савкиной вдове (Маврушка Иванова дочь) и в 1663 году уже упоминался как пашенный крестьянин. По имени этого Кондрашки заимка Другие Гребени (называвшаяся также Короваевской заимкой и Короваевскими Гребенями) и стала впоследствии называться Кондрашиной (Кондрашинской). Пашня у Кондрашки Федорова Верещагина была и в старых Гребенях, где он также упоминался. Умер Кондрашка скоропостижно в 1701 году, будучи в Якутске. Фамилия Верещагиных сохранилась на Лене до настоящего времени.

В 1671 году в Кондрашиной был поселен еще один ссыльный черкашенин, Ивашко Петров Бугай. Сослан он был в пашню, но его сначала поверстали в службу в Якутске, а лишь затем, по указу из Москвы, — в пашню. Его потомки, Бугаевы, до сих пор живут в Киренском районе.

Андрюшка Козьмин Миндрон, также пахавший в этой деревне, упоминается в ужинной книге 193 (1684–1685) года

в деревне Короваевские Гребени (Кондрашина): «у Ондрюшки Козьмина Миндрона» уродилось столько-то (РГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 1360, л. 24).

Упоминается Андрюшка Козьмин в переписных книгах ленских крестьян и за более ранние годы, но без прозвища Миндрон. К примеру, в переписной книге Чечуйского волока 1673 года написано: «Пониже той деревни Гребеней на другой стороне Лены деревня Гребени ж (Кондрашина. — Авт.).

Двор, а в нем живет пашенной крестьянин Кондрашка Федоров <...>

Двор, а в нем живет пашенной крестьянин Андрюшка Козьмин» (РГАДА, ф. 1177, оп. 3, ч. II, д. 1402, л. 19).

Как здесь появился Андрюшка Козьмин, можно понять из ужинной книги 1671 года: «А другую четверть десятины вместо Некуя сеял на великого государя ячмени **Некуев зять Ондрюшка Козьмин**, потому что он, Ондрюшка, с тестя своего, с Некуя, снял вперед пахать на великого государя полдесятины ржи и четверть десятины ярового» (РГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 995, л. 67 об. — 68).

О тесте Андрюшки Козьмина мы уже говорили. Ивашко Карпов Некуй на реке Лене женился, имена его жены и дочери (жены Андрюшки Козьмина) неизвестны. Андрюшка Козьмин до своей женитьбы был промышленным человеком и в поручной записи при устройстве в пашню упомянут как «комариченин», то есть выходец из Комарицкого стана Устюжского уезда:

«Се аз, Чичуйской волости пашенные крестьяне

Кирилко Игнатьев Кобель [д. Кобелева]

да яз, Дмитрий Васильев сын Стучихин [Горбун, д. Берендилова]

да яз, Симан Агапитов [д. Вешнякова]

да яз, Кирик Петров [д. Вешнякова]

да яз, Пятой [Микитка] Семенов [Кила, Жареников, д. Вешнякова]

все мы, поручники, поручились есми на Чичуйском волоку в судной избе великого государя в казну по промышленом человеке по Ондрею Козьмине сыне, комариченине, в том, что он, Ондрей, в Чичуйской волости с пашенного крестьянина с Івана Некуя снял половину десятины ржаной да четверть десятины яровой, что пахал он, Иван Некуй.

И с нынешняго со 179 [1671] году, февраля 8 числа, быти ему, Ондрею, в Чичуйской волости великого государя в полудесятинной ржаной и в четверти десятины яровой пашни в Некуево место в паханую в старую в полудесятины.

И пахать ему, Ондрею, вместо Некуево полдесятины ржаной и в четверть десятины яровой вперед по вся годы без недопашки. И дворовым строением ему, Ондрею, построитьца. И из Чечойской волости великого государя из пашни никуда не збежать.

А буде он, Ондрей, в Чечойской волости вместо Ивана Некуя полудесятинной великого государя пашни он, Ондрей, пахать по вся годы не почнет или почнет пахать с недопашкою, или дворовым строением не построитца, или из Чечойской волости великого государя из пашни он, Ондрей, збежит и на нас, на порутчиках, великого государя пеня и порука нерозвытно вся сполна, и наши, порутчиковы, головы в ево, Ондреево, место.

На то послух промышленой человек Иван Насонов сын Попов.

Поручную записал на Чечойском волоку казак Исачко Вахромеев сын Александров.

Лета 7179 [1671] году, февраля в 8 день» (РГАДА, ф. 1177, оп. 3, ч. I, д. 1801, л. 2).

В переписных книгах последующих лет Андрюшка Козьмин записывался уже со своими сыновьями. Например, в 1676 году в книге сына боярского Ф. Ушакова указаны «Ондрюшка Кузмин с сыном Ивашком» (РГАДА, ф. 214, кн. 580, л. 486). В другой книге с неустановленной датой записано: «Ондрюшка Козьмин. А детей у него: Ивашко 15 лет, Фетька 11 лет, Семейка 9 лет» (РГАДА, ф. 214, кн. 961, л. 11).

III. ИВАН АНДРЕЕВ МИНДРОНОВ, он же БАРАКОВ (ок. 1667 – между 1738 и 1744)

Родился Иван Андреев около 1667 года, поскольку во время проведения первой ревизии (1719) ему было 52 года. В ужинных и умоловных книгах XVII – начала XVIII века он и его брат Федор писались как Миндроновы: в 1696–1697 году — «Ивашко Миндронов»; в 1699–1700 году — «Федька Миндронов»; в 1703 году — «Иван Андреев Миндронов». Но позже они оба стали именоваться Бараковыми (судьба третьего брата, Семена, неизвестна). Наличие двойных фамилий в ленских деревнях не было каким-то исключительным явлением. Например, в деревне Сукнёвой Данилко Михайлов Минин имел прозвище Репа. Один лишь раз его записали с истинной фамилией, обычно же писали с прозвищем. А его детей писали с фамилией Репины. Ивашко Филипов Зуев (из д. Долголовой, потом она называлась Чайка, его также записывали в д. Кондрашиной) имел прозвище Долгопол, а дети писались по фамилии Долголовы. Можно привести

Чечуйская Воскресенская церковь, начало XX в.

и другие примеры. Так, дети Родьки Ильина Демидова в деревне Ильиной получили фамилию Ильины и т. д.

Происхождение фамилии Бараков остается невыясненным. В XVII–XVIII веках она встречается на Русском Севере. Например, в книге «Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» среди других жителей этого города в 1670–1680-х годах упоминается Мишка Сергеев Бараков. Кроме того, в ревизской сказке третьей ревизии (1762) отмечен Захар Бараков, крестьянин Варженской волости Южской трети Устюжского уезда. Фамилия Бараков сохраняется в тех местах по настоящее время. В Кичменгско-Городецком районе Вологодской области по вторую половину XX века существовал населенный пункт Бараково.

Ясно, что фамилия образовалась от прозвища «Барак», но что последнее означало в XVII столетии? В «Словаре русских народных говоров» слово «барáк» объясняется как «овраг, буерак» и «низина с водой (наподобие болота)». Встречалось оно также в следующем выражении: «Барак знает» — «Кто его знает!». С ударением на первом слоге («бáрак») на Русском Севере оно означало «заросли корявого кустарника, черемухи, на сырой неровной местности». В русских говорах Сибири словом «барáк» называли «яму для падали».

Но вернемся к ленским Бараковым. В Российском государственном архиве древних актов сохранился документ от

31 декабря 1724 года, в котором были такие строки: «...подали доношение Чечуйского острогу выборные подушного збору зборщики, пашенные крестьяне Афонасей Решетников, **Иван Бараков** о приеме у них на 724 год на сентябрьскую треть подушных денег и книг» (РГАДА, ф. 494, оп. 2, д. 74, л. 63).

В другом документе, который был озаглавлен следующим образом: «Копия с копии с присланных ис Тобольска ис канцелярии свидетельствования мужеска полу душ от полковника господина князя Сонцова-Засекина с подлинных заручных ево книг с ымяны и с летами о зборе подушных денег Чичуйского острогу выборным Афонасью Решетникову, **Ивану Баракову, он же Миндронов**, на прошлой 1727 год на вторую сентябрьскую показанную треть подушные деньги собраны, и с кого не взято и то писано в сей книге имянно», указано:

«Деревня Кондрашинская	
Иван Бараков	52
У него брат Федор	47
У Ивана дети	
Яков	20
Никифор	10
Кирик	1
У Федора сын Григорей	7
У него же подворники	
Никифор Комаров	45
Илья Озеров	40
У него же нищай Иван Микулин	10
Никита Юдин, подворник же	60
У него сын Иван	7» (РГАДА, ф. 494,
оп. 1, ч. I, д. 223, л. 140, 142 об. — 143 об.).	

Следует отметить, что возраст здесь указывался по соотношению с ревизией 1719 года.

В Баженовской переписи ленских крестьян, произведенной, по-видимому, в 1729 году, записано:

«Деревня Кондрашинская	
Иван Бараков	62
У него дети Яков	30
Микифор	20
Кирик	11
У него племянник Григорей	17» (РГАДА, ф. 494,
оп. 2, д. 75, л. 99).	

Краткую запись о деревне, в которой жили Бараковы, можно найти в «Описании реки Лены», составленном в 1735 году участником Второй Камчатской экспедиции И. Яхонтовым: «Черемховой остров близ леваго берегу

длиною на полверсты. Кондрашина деревня на правом берегу Лены против помянутого Черемховаго острова. В ней 10 дворов крестьянских. От Гребенской до сей деревни 3 версты с 1/2» (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 517, ч. I, портфель 1, д. 20, л. 32).

Умер Иван Андреев Бараков между 1738 годом (в «книге Чечуйского острогу подушного збору» за этот год он был упомянут) и ревизией 1744 года (в ревизской сказке записаны лишь его сыновья).

Дети Ивана Андреева:

Яков. Родился около 1699 года. Умер до ревизии 1744 года, в ревизской сказке указаны его сыновья Никита 13 лет и Никифор 8 лет.

Никифор. Родился около 1709 года. В ревизской сказке 1744 года указаны его сыновья Степан 15 лет, Иван 13 лет и Михайло 2 лет. В ревизской сказке 1762 года сказано, что Никифор Иванов сын Бараков «умре в 756 году». «Умершаго Никифора жена вдова Соломонида Малахеева дочь, пятидесят одного году, взятая в замужество того же острогу Споловенского погоста умершаго крестьянина Малахея Старцова». «У них дети»: Степан 33 лет, Иван 31 года, Настасья 26 лет, Матрена 22 лет, Михайло 20 лет, Ирина 15 лет, Андрей 12 лет, Лука 11 лет, Федор 8 лет (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1045, ч. II, л. 836). В 1769 году их сын Андрей был «взят в рекруты».

Кирик. Родился около 1718 г.

III. ФЕДОР АНДРЕЕВ МИНДРОНОВ, он же БАРАКОВ (ок. 1672–1724)

Федор Андреев Бараков — также один из непосредственных предков Ю.П. Лыхина, поэтому мы приведем здесь сведения и о нем. Родился Федор Андреев около 1672 года, поскольку в большинстве обнаруженных в РГАДА документов ему указывалось на пять лет меньше, чем брату Ивану. В одном из документов 1738 года была сделана приписка, что Федор Бараков «умре в 724 году» (ф. 494, оп. 2, д. 262, л. 40 об.).

Дети Федора Андреева:

Орина. Родилась около 1706 года, поскольку в ревизию 1762 года ей было записано 56 лет. Вышла замуж за крестьянина деревни Гребенской Якова Савина Хохлушкина, еще одного из предков Ю.П. Лыхина.

Григорий. Родился около 1712 года (старше своего двоюродного брата Кирика на шесть лет). В ревизской сказке 1744 года ему было указано 32 года, там же записаны его дети Михайло 7 лет и Иван 2 лет. В ревизской сказке 1762 года

отмечено, что Григорий Бараков «умре в нынешнем 762 году». Вдова Устинья Семенова дочь (урожденная Дранишникова из д. Вешняковой) осталась с девятью детьми: Михаилом 25 лет, Натальей 21 года, Иваном 20 лет, Параксовой 17 лет, Яковом 16 лет, Агафьей 15 лет, Семеном 11 лет, Аграфеной 7 лет и Лукой 6 лет.

IV. КИРИК ИВАНОВ БАРАКОВ (ок. 1718–1769)

Родился около 1718 года, поскольку в ревизской сказке третьей ревизии (1762) ему указано 44 года. «У Кирика жена Ульяна Павлова дочь, сорока двух лет, взятая в замужество той же деревни умершаго крестьянина Павла Ширяева по добровольному их с обоих сторон договору» (РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1045, ч. II, л. 836).

В 1763 году в «ведомости, сочиненной в Чечуйской приказной избе» о «правиантских плательщиках» записан двор Ивана, Михаилы, Кирика и Никиты Бараковых с их семействами. Было «у них пахотной земли восемь десятин с половиной» и «сенных покосов девять десятин» (РГАДА, ф. 494, оп. 1, ч. II, д. 3372, л. 119).

В «ведомости Чечуйского острогу» 1773 года о платеже подушных денег было записано, что «Кирик Бараков умре в 769 году. Подушные деньги платит в казну оставшей[ся] сын Никифор» (РГАДА, ф. 494, оп. 1, ч. II, д. 3372, л. 119).

Дети:

Никифор. Родился около 1751 года.

Наталья. Родилась около 1755 года (в ревизию 1762 г. ей было 7 лет).

Анна. Родилась около 1757 года (в ревизию 1762 г. ей было 5 лет). В ревизской сказке 1794 года записано: «...у Никифора сестра Анна Кирикова дочь, выдана в замужество Киренской округи Подкаменской слободы за крестьянина Алексея Горбунова» (ГАИО, ф. 9, оп. 1, д. 166, л. 496). Однако указанный в ревизской сказке возраст (12 лет на 1782 г.) дает иную дату ее рождения. Возможно, что это другая дочь Кирика Иванова с тем же именем Анна.

V. НИКИФОР КИРИКОВ БАРАКОВ (ок. 1751 – до 1822)

Родился около 1751 года, поскольку в ревизию 1762 года ему было записано 11 лет. Был женат на Марье Григорьевой (род. ок. 1765), бракосочетались они до ревизии 1782 года. Скончался Никифор Кириков до 1822 года, в котором его жена при крещении младенца, сына односельчанина, была записана вдовой. Марья Григорьева умерла между 1826 годом (в ноябре 1826 г. она стала крестной матерью при рождении внука Платона) и ревизией 1850 года.

Дети:

Михайло. Родился около 1783 года (в ревизию 1794 г. ему было 11 лет).

Агафья. Родилась около 1784 года (в ревизию 1794 г. ей было 10 лет). В 1814 году была незамужем: «крестьянина Никифора Баракова дочь девка Агафья» была записана в церковной метрической книге как восприемница (крестная мать).

Афанасей. Родился около 1788 года (в ревизию 1794 г. ему было 6 лет).

Григорей. Родился около 1790 года (в ревизию 1794 г. ему было 4 года). В ревизской сказке 1858 года записано, что он «умер в 1850 г.».

Егор. Родился 4 февраля 1795 года.

Алексей. Родился 12 февраля 1797 года. В ревизской сказке 1858 года записаны его жена Надежда Петрова 53 лет и дочь Ирина 15 лет.

Аграфена. Родилась 15 июня 1800 года.

Андрей. Родился 30 ноября 1802 года. В ревизской сказке 1858 года записаны его жена Домна Степанова 59 лет и сыновья Афанасий 23 лет, Иннокентий 20 лет и Алексей 18 лет.

Агрипена. Родилась около 1803 года, умерла 30 июня того же года в возрасте «7 недель».

Прокопий. Родился 4 июля 1806 года, умер 30 марта 1807 года.

VI. ЕГОР НИКИФОРОВ БАРАКОВ (4 февраля 1795 – не раньше 1858)

Родился 4 февраля 1795 года. Бракосочетался 20 января 1822 года. В метрической книге Чечуйской Воскресенской церкви записано: «Венчан брак: Кондрашенской деревни крестьянин Егор Никифоров сын Бараков берет Петропавловского прихода у крестьянина Алексея Кармадонова на дочере ево девице Вере первым браком» (ГАИО, ф. 477, оп. 1, д. 1, л. 223). Умер не раньше 1858 года, поскольку был записан в ревизской сказке десятой ревизии, проведенной в Кондрашинском селении Петропавловской волости Киренского округа в мае 1858 года. Жена, Вера Алексеева, родилась 11 сентября 1802 года, умерла после ревизии 1858 года.

Дети:

Настасья. Родилась 12 декабря 1822 года.

Алексей. Родился 10 февраля 1823 года.

Матрена. Родилась 9 марта 1824 года, умерла «в горячке» 26 июня 1825 года.

Платон. Родился 15 ноября 1826 года (его крестной

матерью стала бабушка Марья Григорьева). В возрасте «23 лет» в мае 1849 года (число в метрической книге не указано) бракосочетался с Александрой Михайловой Лыхиной из деревни Беренгиловской «26 лет» (род. 20 апреля 1822 — ум. между 1858 и 1880). В 1880 году Платон Егоров Бараков был еще жив — он и вторая «жена его Мария Самуилова» (род. ок. 1840) упоминаются в «исповедной росписи прихода Чечуйской Воскресенской церкви», составленной в этом году. Дети Платона Егорова (все от первой жены): Николай (род. 27 ноября 1850), Семен (род. 1 февраля 1852), Александр (род. 14 августа 1853 — ум. 15 октября 1854), Аполлоний (род. 12 декабря 1854), близнецы Евгений и Василий (род. 14 марта 1856), Параксева («приемыш», род. ок. 1866). От Платона через его сына Семена (1852–1926), внука Гурия (ок. 1881 – 1960) и правнука Петра (1905–1948) идет ветка рода Бараковых, ведущая к Юрию Петровичу Баракову, одному из авторов журнала «Тальцы», родившемуся в 1935 году в Кондрашиной и ныне живущему во Владивостоке.

Феодор. Родился 22 апреля 1829 года. Сведения о его семье сохранились в «исповедной росписи прихода Чечуйской Воскресенской церкви» 1880 года, там были записаны сам Феодор Егоров 51 года, его жена Дария Дорофеева 49 лет и дети: Иоанн 25 лет, Григорий 23 лет, Петр 22 лет, Алексей 14 лет и Козма 10 лет (ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 106, л. 271–271 об.).

Елисавета. Родилась 26 апреля 1832 года, умерла «в коре» 9 марта 1833 года.

Василий. Родился 21 февраля 1834 года, умер «от горячки» 9 февраля 1840 года в возрасте шести лет.

Агапия. Родилась 7 апреля 1837 года, умерла «в горячке» 8 июня того же года.

Сергий. Родился 20 сентября 1838 года, умер «от горячки» 5 марта 1840 года в возрасте двух лет.

Павлина. Родилась около 1840 года (в ревизской сказке 1858 г. ей указано 18 лет).

VII. АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ БАРАКОВ (10 февраля 1823 — не раньше 1880)

Родился 10 февраля 1823 года. 15 января 1843 года «Кондрашенской деревни крестьянин Алексей Егоров Бараков» 20 лет бракосочетался с дочерью «Гребенской деревни крестьянина Якова Артемьева Хохлушкина» Параксевой 20 лет (род. ок. 1823). Однако здесь кроется начало какой-то неувязки, которую пока не удалось разрешить. В метрических книгах последующих лет жена Алексея Егорова при рождении

**Дарья Алексеевна
Тараканова, урожденная
Баракова,
1904–1905 г.**

детей именуется чаще всего как Параксевья Семенова и лишь по одному разу как Параксева Яковлева и Параксева Степанова. В 1880 году Алексей Егоров Бараков и «жена его Параксева Семенова» были еще живы — они упоминаются в «исповедной росписи прихода Чечуйской Воскресенской церкви» этого года.

Дети:

Стефан. Родился 1 апреля 1845 года (у Параксевы Стефановой).

Леонтий. Родился 22 мая 1846 года (у Параксевы Семеновой), умер 23 июля того же года.

Петр. Родился 20 ноября 1848 года (у Параксевы Симеоновой). В

исповедной росписи 1880 года была записана немногочисленная семья Петра Алексеева: жена Евдокия Алексеева 29 лет, сын Федор 5 лет и дочь Фекла 2 лет.

Дарья. Родилась 24 марта 1850 года (у Параксевы Яковлевой). Ее восприемником был дед, Егор Никифоров Бараков.

Екатерина. Родилась 20 ноября 1851 года (у Параксевы Симеоновой).

Василий. Родился 12 января 1854 года (у Параксевы Симеоновой), умер 18 января того же года «от родимца».

Татьяна. Родилась 1 января 1855 года (у Параксевы Симеоновой).

Агриппина. Родилась 24 июня 1858 года (у Параксевы Симеоновой).

Матрона. Родилась около 1859 года (в «исповедной росписи прихода Чечуйской Воскресенской церкви» 1880 года ее возраст — 21 год).

**VIII. ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВА БАРАКОВА (в замужестве Тараканова)
(24 марта 1850 – 14 марта 1918)**

Родилась 24 марта 1850 года в деревне Кондрашиной. Вышла замуж за крестьянина Споловинского селения (находящегося в 26 верстах от Кондрашиной) Дмитрия Михайловича Тараканова (1852–1935). В 1870–1880-е годы в их браке родилось семеро детей, один из которых умер в детстве. По воспоминаниям, Дарья Алексеевна была женщиной чрезвычайно доброй и отзывчивой. Ее дочь Харитина вышла

«в замуж» за Ивана Егоровича Лыхина (1888–1976) и стала бабушкой одного из авторов данной статьи (родословные Таракановых и Лыхиных см.: Тальцы. — 2002. — № 14; 2003. — № 17, 19).

В заключение перечислим имена тех ленских крестьян, кроме Бараковых, которые упоминаются в данной статье и являются непосредственными предками Ю.П. Лыхина по женским линиям: Емелька Степанов, Ивашко Карпов Некуй, Родька Ильин Демидов, Яков Савин Хохлушкин, Павел Ширяев, Алексей Кармадонов и его дочь Вера, Яков Артемьев Хохлушкин и его дочь Параскева, Дмитрий Михайлович Тараканов и его дочь Харитина. Изучение этих родословных продолжается.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 9. Киренский земский суд.

ГАИО, ф. 50. Иркутская духовная консистория.

ГАИО, ф. 477. Чечуйская Воскресенская церковь.

ГАИО, ф. 696. Чечуйское волостное правление.

ГАИО, ф. 790. Объединенный фонд церквей Киренского уезда.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.199. Портфели Миллера.

РГАДА, ф. 214. Сибирский приказ.

РГАДА, ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки.

РГАДА, ф. 494. Илимская воеводская канцелярия.

РГАДА, ф. 1177. Якутская приказная изба.

Лыхин Ю.П. Бесконечная история. — Тальцы. — 2003. — № 3 (19). — С. 3–17.

Лыхин Ю.П. Одна старая фотография // Тальцы. — 2002. — № 2 (14). — С. 10–19.

Лыхин Ю.П. Приоткрывающиеся поколения: (К истории ленского рода Лыхиных) // Тальцы. — 2003. — № 1 (17). — С. 51–74.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. — М., 1996. — 478 с.

Словарь русских говоров Сибири. — Новосибирск, 1999. — Т. 1, ч. 1. — С. 45.

Словарь русских народных говоров. — М.; Л., 1966. — Вып. 2. — С. 102; Л., 1982. — Вып. 18. — С. 167.

Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1883. — С. 91, 146, 273.

РОДОСЛОВИЕ КАЛУСОВСКИХ ИЗ МОГИЛЁВА

*Рената Леонидовна Яковец,
краевед, почетный гражданин
г. Слюдянка,
Иркутская область*

В конце 1980-х годов, в бытность председателем Слюдянского районного общества «Мемориал», мне довелось разыскать скучные сведения о слюдянцах, подвергшихся репрессиям в 1937–1938 годах в связи с totally-maniakal'noy «прочисткой» населения СССР на основании статьи 48 и других политических статей того времени.

Слюдянский «Мемориал» собирал сведения о репрессированных слюдянцах вначале с трудом, так как люди были накрепко приучены «не болтать», молчать, соблюдать подписку о неразглашении. То, что мы узнавали, сразу печатали в газете. И люди перестали молчать, они поверили нам. Нас буквально захлестнул поток горестных стенаний, открылись страшные изувеченные тайны застенков и камер ЧК и НКВД. Мы продолжали печатать в газетах и составлять скорбные списки репрессированных — живых и мертвых. Их накопилось две книги, около 500 человек. Об одних рассказывали родственники и знакомые, другим самим удалось уцелеть, третьи остались безвестными.

Возмещение материальных убытков пострадавшим от репрессий взяло на себя государство. Ряды оставшихся в живых бывших репрессированных быстро редели — их жизненный путь заканчивался вместе с XX веком. Затем «пострадавшими от репрессий» были признаны дети репрессированных, сами ставшие сегодня пенсионерами.

Наш «Мемориал» как бы закончил свою работу, а под давлением налоговых органов и самораспустился. Две книги с именами репрессированных слюдянцев остались у меня, а еще архив переписки, письма, документы, фотографии.

Но вот с началом XXI века внуки и правнуки пострадавших стали интересоваться и задавать вопросы: что это было и как это было? Школьники старших классов стали писать рефераты о периоде репрессий. Они обращались ко мне как к человеку,

у которого можно было получить какие-либо сведения о репрессиях в Слюдянке и Иркутске. И тогда снова заработал архив «мертвых» до той поры материалов.

Мне самой стало интересно: что же это за люди жили в Слюдянке до репрессий? Чем занимались, чем интересовались? Кто они?

О Калусовских у меня было порядочно сведений, вернее, о Георгии Калусовском, репрессированном и расстрелянном в 1937 году: были письма его жены Надежды Романовны, потом была у меня встреча с его дочерьми Галиной Георгиевной и Евгенией Георгиевной.

Бывая в Иркутске, я часто заходила к Евгении Георгиевне в поликлинику — она тогда работала в центральной детской поликлинике врачом. И мы с ней много разговаривали на общую для нас тему — о репрессиях. Постепенно я узнавала о Калусовских все больше. И наконец, у меня накопилось материалов столько, что грех было бы держать их под спудом в архиве. Тем более, что отец Георгия — Владислав Михайлович Калусовский — был человеком непростой, интересной судьбы.

Был он из потомственных дворян древнего польского рода, а работал машинистом пассажирских поездов. Я буквально тормошила Евгению Георгиевну расспросами, «вытряхивая» из нее сведения, а она писала своему двоюродному брату Владиславу Эдуардовичу Калусовскому в Хабаровск, «вытряхивая» сведения у него. Много «кое-чего» нашлось у него. Документы, воспоминания, фотографии.

И вот «родословие Калусовских» — девять колен! — составленное мною,правленное Евгенией Георгиевной, готово. Скопированы важнейшие документы, письма, фотографии. Наш коллективный труд завершен и представляется на суд читателей.

Чтобы начать наше повествование, перенесемся во времени — в начало XX века, а в пространстве — в губернский город Могилёв, что расположен по обоим берегам Днепра и его притока Дубровенки и имеет пристань.

По переписи жителей 1897 года, пишется в Энциклопедическом словаре «Бр. Гранать и К°», в нем 43 119 жителей. Могилёв «стал расти после проведения через него железной дороги, соединившей Петроград с Киевом (1903 г.)». Чем занят город? «Торговля кожей, салом, медом, воском, поташем и хлебом; развито огородничество, садоводство,

**Михаил Адамович
Калусовский (1847–1908).
Могилёв**

7 747 десятин мещанам (14,2 десятины на 1 владение), государству и учреждениям принадлежало 7,5 %».

Теперь мы познакомились с раскладом жизнеобеспечения жителей Могилёва в начале XX века.

Приведем выписку из газеты «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» № 103 за 1866 год:

«На подлинном Собственою ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „Быть по сему“.

В С.-Петербурге 15 ноября 1866 года.

Мнение Государственного Совета

Государственный Совет, в Департаменте Гражданских и Духовных Дел, по рассмотрении определения Правительствующего Сената, Департамента герольдии о дворянстве рода Калусовских, принял на вид, что предки сего рода владели в трех поколениях дворянским, крестьянами населенным, имением, признал, что представленные вместе с метрическими актами, от ищущих ныне дворянства доказательства о том соответствуют Св. Зак. 1857 г. Т. IX, Зак. Сост. ст. 54, 60 и 65. Вследствие сего и на основании Высочайшего повеления, опубликованного при указах Сената 23 сентября 1864 года, Государственный Совет мнением положил: купца 2-й гильдии Адама Юрьева Калусовского с сыновьями: Иосифом-Ефимом (двух имен), Михаилом, Владиславом-Мартином (двух имен),

рыболовство». Из истории: «...в 1772 г. присоединен к России; с 1778 г. — главный город наместничества; в 1797–1802 гг. — уездный город Витебской губ., с 1802 г. — губернский город...»

Теперь немного о землевладении в Могилёвском уезде (из того же Энциклопедического словаря): «Главное занятие населения — земледелие; из кустарных промыслов развито производство колес... [Земли на 1913 г.] в частной собственности было 59,1 %, в том числе 108 597 десятин принадлежало дворянам (261,1 десятины на 1 владение), 17 783 десятины крестьянам (33,2 десятины на 1 владение),

Антоном и Станиславом-Иваном (двух имен), согласно с постановлением Сената, возвесть в первобытное предков их дворянское достоинство, внеся род сей в первую часть дворянской родословной книги.

Подпись: Председатель Государственного Совета КОНСТАНТИН».

Итак, до восстановления в дворянском достоинстве Адам Юрьевич («Егора сын») был купцом 2-й гильдии и имел пятерых сыновей: Иосифа-Ефима, Владислава-Мартина, Антона, Станислава-Ивана и Михаила.

Из документов мы узнаем, что родился Адам Юрьевич 2 мая 1797 года, что отец его — Юрий-Егор, а дед — Яков Казимиров, прадед — Казимир Калусовские; и все они поляки, дворяне, ранее владевшие имением, населенным крестьянами-хлебопашцами, вероятно крепостными. Отмена крепостного права расстроила состояние многих дворянских имений, лишив владельцев зависимой рабочей силы. Расстроены были дела и у Калусовских, и они были вынуждены искать себе обеспечение жизни на другом поприще, в частности в коммерции.

Нам ничего не известно о сыновьях Адама Калусовского, кроме сына Михаила Адамовича и его потомства. Михаил Адамович уже пишется потомственным дворянином. Родился он в Могилёве в 1847 году, женился на Марии Петровне Глажевской. О нем сведения мы приведем из документа, именуемого «Список о семействе потомственного дворянина Михаила Адамовича Калуссовского. Составлен января 1896 года»:

«Потомственный дворянин Михаил, Адама сын, Егора внук, Якова Казимирова правнук Калуссовский, исповедания римско-

Михаил Адамович и Мария Петровна Калусовские. Могилёв, конец XIX в.

католического, воспитание получил в Могилевской губернской гимназии, на частной службе состоит по устройству сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в гор. губ. Могилев. Его жена Мария Петровна, урожденная Глажевская, исповедания римско-католического.

Их дети:

Сыновья: Владислав 24 лет,
Эдуард 13 лет.

Дочери: Виктория 26 лет,
Розалия 22 лет,
Елеонора 20 лет,
Альбина 18 лет
и Антонина 14 лет».

Самому Михаилу Адамовичу на день заполнения сведений было 49 лет, жене — 47 лет. Семья, как видим, большая, а кормилец один: состоит на службе в сфере менеджмента, по нынешнему выражению. Пять дочерей и всего два сына, один из которых вообще еще ребенок. Судя по прекрасным фотографиям Михаила и Марии Калусовских, это люди благородные, энергичные и между собой дружные.

Их старший сын Владислав Михайлович окончил желез-

Удостоверение Марии Петровны Калусовской. Могилёв,
1915 г.

**Владислав Михайлович и Ванда
Жеромовна Калусовские. Могилёв,
1898 г.**

нодорожное училище и получил диплом машиниста пассажирских поездов первого класса. Мы имеем «метрическую выпись» о бракосочетании Владислава Михайловича Калусовского с Вандой-Станиславою Пассет. 16 июня 1898 года состоялось их бракосочетание в Могилёвском римско-католическом Успении Пресвятой Девы Марии при-

ходском костеле. Настоятель костела предварительно трижды во время литургии огласил прихожан о предстоящем бракосочетании на случай выявления обстоятельств, препятствующих совершению брачного церемониала, но поскольку таковых не обнаружилось, то брак был благословлен и освящен церковью, в присутствии родителей и «веры достойных свидетелей» Витольда Жуковского и Эдуарда Калусовского. Со стороны жениха были отец и мать — Михаил Адамович и Мария Петровна Калусовские.

Со стороны невесты, полное имя которой Ванда-Станислава-Матильда Пассет, 27 лет, присутствовали отец Иван-Героним Пассет (француз) и его жена Мария-Людовика-Жозефина Пассет, урожденная Арго (француженка). С этого времени молодая Калусовская становится Вандой Жеромовной, по русскому обычаю, хотя семья создалась польско-французская.

Иван-Героним (Жером) попал в плен к русским во время Крымской войны 1853–1856 годов и остался жить в Могилёве, где ему понравилось; он любил охоту, разбирался в оружии и держал оружейный магазин; семья была достаточно богатой. Ванда окончила институт благородных девиц в Швейцарии, а в дальнейшем ее отец до конца своей жизни материально помогал дочери и ее семье.

После свадьбы молодая чета уезжает на «стройку века» — на строительство Транссиба, куда В.М. Калусовский получает

назначение. И уже в Омске в ноябре 1899 года у них родилась первая дочь, Александра. В 1901 году родился сын Ромуальд-Витольд. В 1902 году семья переводится на станцию Хилок — за Байкал. В Хилке в этом же году родился сын Эдуард, затем еще две дочери — Галина в 1904-м и Ядвига в 1905 году.

И наконец, когда семья окончательно поселилась в Слюдянке в собственном доме на улице 1-й Большой (ныне ул. Ленина), в 1907 году родился сын Георгий, последний из детей Владислава Михайловича Калусовского, которому в этом году было 35 лет.

Владислав Михайлович Калусовский был машинистом высокого класса. Он работал в Слюдянском депо. Ему была предоставлена честь первым открыть сквозное движение поездов по Транссибу, когда участок Иркутск–Слюдянка–Мысовая замкнул великую Сибирскую железнодорожную магистраль. Об этом пишет в своем письме внук В.М. Калусовского — Владислав Эдуардович Калусовский, также всю жизнь работавший на железной дороге; он пишет сестре Евгении Георгиевне:

«...Ведь наш дед-дворянин (потомственный дворянин) был первоклассным машинистом. Он первым провел железнодорожный состав по Кругобайкальскому участку Иркутск–Слюдянка–Мысовая. Это был подвиг, подобный гагаринскому, а возможно, и превосходящий его (учитывая время его проведения)...».

О встрече с В.М. Калусовским на станции Слюдянка пишет в своих воспоминаниях Алексей Кулехов, бывший до революции помощником машиниста и машинистом Слюдянского депо. В годы революции Владислав Калусовский не принял большевистской идеи «разрушения старого мира», но и не лез в драку, хотя и осуждал большевиков. Некоторые польские жители Слюдянки приняли революцию и встали в ряды ее защитников, но не Калусовский. Какой-то период Алексей Кулехов, большевистский пропагандист и подпольщик, ездил помощником машиниста с В.М. Калусовским. Оба они подозрительно относились друг к другу, так как взгляды их на политику были диаметрально противоположными. К 1918 году и Калусовский, и Кулехов жили в Слюдянке, обремененные семьями, озабоченные своей деповской работой. Только Калусовский по-прежнему холил свой паровоз и водил составы по Кругобайкальке, а Кулехов очень активно участвовал в красногвардейских делах, был начальником штаба отряда слюдянских красногвардейцев и, естественно, вместе с красными отступал от Култука, Слюдянки и далее до самого

**Служебное удостоверение Владислава Михайловича
Калусовского. Слюдянка, 1915 г.**

Благовещенска, пока руководство Центросибири не решило распустить красные отряды и перейти на партизанское положение. Участники боев спасались кто как мог. Кулехов был арестован белыми, когда он скрытно пробирался домой, в Слюдянку. Его опознал и выдал белым знакомый проводник в поезде. И вот Кулехова привезли на доследование в Слюдянку. Как это происходило, он сам описал в своей книге «Памятные годы». Больше всего Кулехов боялся встретиться со знакомыми в Слюдянке, так как он скрывал, что работал там машинистом и являлся членом большевистской ячейки.

«...Посадили меня, — вспоминает Кулехов, — в комнату товарной кассы. Единственное окно с железной решеткой выходило на перрон, и я мог видеть, что происходило на станции. А в маленько оконечко в двери на меня заглядывали друзья с печальными сочувствующими лицами, враги со злобой...

Днем на станцию прибыл поезд с красильниками. Замелькали фигуры, на рукавах которых красовались череп и кости. Некоторые из них заглядывали на меня в оконечко и, скаля зубы, рычали: „Есть рябчик, прочистим сегодня

винтовки...“ Заглянул в окошечко машинист Калусовский, с которым раньше я ездил помощником. Его я узнал по усам и сказал ему первый:

— Здравствуйте, Владислав Михайлович!

Он процедил зло:

— До свидания, до свиданья... попался, наконец!

Но час решенья нашей участи неожиданно отодвинулся. Оказалось, что состав суда уехал вперед, в Томск. Поэтому и нас повезут в Томск и там разберутся. Так и везли нас все дальше и дальше от места нашей деятельности, только теперь в другую сторону — на запад» (3, с. 89–90).

Надо полагать, что В.М. Калусовский ничего не сказал тогда о Кулехове, иначе он не написал бы этих воспоминаний, потому что узнай красильниковцы о том, что «рябчик», сидящий в кассе, — активнейший местный большевик, никакого суда не было бы, а просто вывели бы его на берег Байкала и расстреляли.

Далее события развиваются быстро. Кулехова помещают в Томскую тюрьму. С запада отступают белые и чехи, за ними наступает 5-я Красная армия, которая освобождает политзаключенных в Томске. Кулехов занимает один из руководящих постов в управлении ВСЖД. Калусовский работает машинистом...

Красные поступают со своими пленниками не менее жестоко, чем белые, с той лишь разницей, что последние знают законы судопроизводства, а первые с легкостью несведущих переступают их, могут обходиться без суда и следствия, как и поступили с Колчаком.

Как бы то ни было, в записи потомков В.М. Калусовского значится, что он «погиб в Красноярске 18 августа 1920 года».

В личном деле Эдуарда Владиславовича Калусовского (второго сына Владислава Михайловича), хранящемся в архиве ВСЖД, есть такая запись в автобиографии:

«...Отец (машинист депо Слюдянка) в 1920 г. арестован органами ВЧК за контрреволюционную деятельность. Подробно и вообще существа его дела я не знаю. Из заключения отец не вернулся, и судьба его мне не известна».

Здесь же Эдуард Владиславович пишет (28 августа 1945 г.) о судьбе своих братьев и сестер :

«Сестра Александра — работает учительницей школы № 33 на ст. Половина (Болотова Александра Владиславовна);

Сестра Ядвиги Воронина — живет на иждивении старшей сестры (инвалид);

**Семья Эдуарда Владиславовича Калусовского. Иркутск,
1963 г.**

Брат Ромуальд Владиславович Калусовский работает где-то в Воронеже, связи с ним я не имею с 1926 года;

Брат Георгий Калусовский — работал в Слюдянке техником рудоуправления Слюдтреста. В 1937 г. арестован НКВД и до сих пор домой не вернулся».

Добавим к этим записям, что сестра Галина 1904 года рождения в 1920 году умерла от дифтерии в возрасте 16 лет.

А какова судьба Эдуарда Владиславовича, записавшего все это в своем личном деле? В записях об отце, о брате — такие холодные, равнодушные слова: «не знаю», «не известно», «связи не имею...». Кто же он сам?

Из анкеты:

«Калусовский Эдуард Владиславович. Родился 26. X. 1902 г. Станция Хилок Забайкальской ж. д. Читинской области. Поляк (по отцу), родной язык — русский. Гражданин СССР.

Служащий из рабочих. Инженер-путеец.

Член ВКП(б) с марта 1928 года, принят Слюдянской районной организацией Иркутской области. Партийный билет № 3502569.

Состоял членом ВЛКСМ с 1922 по 1929 г. Выбыл по возрасту.

[Образование] Институт военных инженеров железнодорожного транспорта в г. Новосибирске (1931–1937), получил высшее образование. Партийное — курсы политруков.

Научные труды: написано руководство по эксплуатации железнодорожной западноевропейской колеи (II Белорусский фронт в 1944–1945 гг.).

Владение языками: польский — свободно, французский, немецкий — читаю, говорю.

[Находился ли сам или ближайшие родственники под судом и следствием] 1) Находился под следствием НКВД в Иркутске с IV / 1938 по V / 1939 г., под судом не был (дело прекращено).
2) Отец арестован в 1920 г. в Слюдянке органами ВЧК — за что, не знаю.

Был за границей (Польша, В. Пруссия) в 1944–1945 гг. в составе войск II Белорусского фронта в Отечественную войну. Родственники за границей не были».

Далее в анкете множество дотошных вопросов и ответов, которые в общем-то к существу нашего родословия имеют третьестепенное отношение.

Начинал свою трудовую деятельность Эдуард Владиславович в Слюдянке учеником стеклодува на стекольном заводе Сандера в 1919 году, затем по 1924 год работал в Слюдянском депо слесарем, агентом особого учета. В 1930 году — зав. общим отделом райкома ВКП(б) станции Иркутск-2...

В 1948 году приказ: утвердить инженер-капитана пути и строительства товарища Э.В. Калусовского начальником 16-й Гусино-Озерской дистанции пути Восточно-Сибирской железной дороги...

Удивляет дворянин Калусовский Э.В. ...

А как у него семейные дела?

В первом браке он состоял с Ниной Ксенофонтовной Курбатовой, 1904 года рождения, и от этого брака были два сына: Эдуард и Владислав. При рождении второго сына Нина Ксенофонтовна умерла.

Второй брак Эдуард Владиславович заключил с Августой Ивановной Гуздаковой 1912 года рождения, которая родила дочь Любовь 1933 года рождения и сына Игоря (1940–1984).

Игорь Эдуардович трижды вступал в брак. От первого его брака родился сын Евгений. От второго брака детей не было, от третьего брака родились сын Константин и дочь Ия.

В браке Эдуарда Владиславовича и Нины Ксенофонтовны было два сына: Эдуард Эдуардович (1927–1985) и Владислав Эдуардович 1931 года рождения. Первый из них, Эдуард Эдуардович, женился на Эмме Самсоновне Дерес 1931 года рождения, и от этого брака родились: сын Георгий (умер) и три дочери — Людмила и двойняшки Нина и Эмма.

Второй сын Эдуарда Владиславовича, Владислав Эдуардович, женился на Марии Михайловне Секачёвой 1935 года рождения, у них в 1962 году родилась единственная дочь Любовь, мужская линия этой ветви Калусовских закончилась...

Владислав Эдуардович представляет огромную ценность для нашего повествования. Во-первых, он продолжил семейную традицию служения Сибирским железным дорогам. Он так же, как и отец, закончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Во-вторых, он родился в 1931 году, то есть в период между смертью деда Владислава Михайловича в 1920 году и смертью дяди Георгия Владиславовича в 1937 году. Видел он и арест своего отца Эдуарда Владиславовича в 1938 году. И как же ему все это объяснил партийный отец? Возможно, что тогда — никак. Те, кто умер, убит, — уже ничего никогда не расскажут. Но те, кого отпустили после арестов и пыток, — рано или поздно начинают говорить...

На сегодня мы знаем, что отец его, Эдуард Владиславович, сохранил все родословные документы, все свидетельства о принадлежности к потомственному дворянству, все фотографии предков. Он рассказывал сыну то, что не писал в анкетах и листках по учету кадров. Эдуард Владиславович сумел выжить и спасти своих родных в годы ужасных и диких репрессий, дать образование и воспитание своим детям. И с его слов Владислав Эдуардович пишет в письме сестре вот

**Эдуард Эдуардович и Эмма Самсоновна Калусовские.
Иркутск, 1963 г.**

**Владислав Эдуардович
Калусовский. Хабаровск,
1995 г.**

что о смерти деда Владислава Михайловича:

«Трудную задачу ты мне задала, и самый трудный вопрос — почему и как погиб дед Владислав Михайлович... Вообще-то можно ответить кратко, что он не умер, а его убили. У меня есть версия этого. Мне рассказывал мой отец, что дед был очень аккуратным, трудолюбивым и честным. Очень любил свой паровоз. И на работу приходил гораздо раньше, чем это требовалось. Всегда тщательно проверял все механизмы и всегда содержал паровоз в чистоте. Везде, где приходилось работать нашему деду, его уважали и ценили очень высоко. Но по мере приближения к известным революционным событиям стал нарушаться цикл работ, появилась разболтанность,

и везде рабочие стали плохо работать. Где-то в 16 или 17 году приходит наш дед на работу (а было это в Слюдянке) и видит, что никого нет, кругом грязь и почему-то сильно воняет, и определенно со стороны тендера. Полез наш дед на тендер и видит, что помощник сидит и оправляется. Погнал он помощника с паровоза и стал его ругать. Нарушитель дисциплины стал дерзить и оскорблять машиниста (т. е. нашего деда). Не стерпел такой наглости наш дед, и залепил он пакостнику оплеуху. На этом все и кончилось.

Но в 1920 году понадобилось деду приехать в Иркутск. Идет он по Большой (это название главной улицы в Иркутске), и видит дед, что идут ему навстречу трое. При подходе к деду один из группы подходит и давай кричать... Этот парень оказался тем, кто (нас...) на тендере. Эта троица быстро образовала препровождение в отделение ОГПУ. Эти дела делались быстро. И честнейший человек был арестован. Негодяи те, которые помогали в аресте, кричали, что дед систематически издевался над рабочими. Ну, и когда узнали, что дед наш дворянин, то нетрудно было догадаться о дальнейшей судьбе нашего дорогого дедушки. Он был отправлен в Красноярск и там расстрелян. Вот что я могу рассказать со слов моего отца.

Почему умерла Галина в возрасте 16 лет?

Ничего об этом не могу сказать определенного. Но мой старший брат Эдуард как-то говорил, что умерла она от болезни (предположительно от дифтерии)...

Что я знаю о дяде Роме (Ромуальд-Витольд. — Р. Я.)? Дяди Ромы я не встречал ни разу. Могу лишь догадываться о причине того, что он так далеко уехал от родных мест. Знаю только, что он был на два года старше моего отца. Значит, он родился в 1900 году и поступил совершенно правильно, когда переселился из Сибири в Воронеж. Он искал „укромного“ места, чтобы не повторить судьбы своего отца и своих братьев Георгия и Эдуарда Калусовских. Знаю, что дядя Рома был женат на тете Лёле. Я ни разу не встречал их никого. Из детей у них была лишь одна дочь Валентина, которую родители выдали замуж за полковника. Думаю, что дядя Рома никогда не искал высоких постов и не учился в учебных заведениях. Все это потому, что он боялся „засветиться“.

Теперь мы знаем судьбу детей, внуков и правнуков Владислава Михайловича Калусовского. Нам осталось только поближе познакомиться с судьбой его младшего сына, Георгия Владиславовича Калусовского, родившегося в Слюдянке в 1907 году. В 1920 году (в год смерти отца) ему было 13 лет. Он рос и воспитывался в большой культурной семье, окруженный любовью матери и старших сестер, под руководством старшего брата Эдуарда. Дома свободно говорили на трех языках: русском, польском и французском. Трудолюбие прививалось с детства, не гнувшись никаким трудом. Мать, Ванда Жеромовна, дожила до глубокой старости, она умерла в 1940 году. Георгий поступил работать в 1925 году в рудоуправление откатчиком. О нем пишет его жена Надежда Романовна Калусовская:

«...Из забоя его перевели в 1926 году в контору рудоуправления чертежником, через год его перевели в стройотдел нормировщиком, сметчиком-проектировщиком. Работал десятником, прорабом. Несколько лет проработал он

Георгий Владиславович
Калусовский, 1937 г.

начальником стройотдела. В этот период шли поголовные аресты. Забирали каждую ночь десятками...

Мужу моему кто-то подсказал: „Увольняйся, иначе тебя посадят...“ Он уволился и перешел на работу в НЖЧ-3 ст. Слюдянка нормировщиком строительных работ...

Переход с работы на работу не спас моего мужа от ареста. 5 октября 1937 года арестовали...

12 октября 1937 года в 12 часов ночи пришли за моим отцом...

На все мои вопросы о судьбе мужа и отца был стандартный ответ: „10 лет без права переписки“.

Прожили мы с мужем только 6 лет. Осталась со мной дочь 6 лет, престарелая мать, а я осталась беременной 1,5 месяца, я только успела сказать мужу об этом. Пришло время, я пошла в роддом. Лежа в роддоме, я ждала каждый день, что за мной

придут и возьмут меня с ребенком и мою семью, как семью „врага народа“, вышлют. Я была в списках на выселение... Это было тяжелое время моей жизни. Сколько страху и боязни было пережито. Меня уволили с работы, не на что было существовать, и я сидела на базаре и продавала немудреные вещи на кусок хлеба. Я 25 лет ждала мужа, прислушивалась к стуку калитки. Мне не верилось, что его нет, что он ушел от нас навсегда».

В Слюдянском ЗАГСе в книге смертей записано, что Георгий Владиславович Калусовский умер в заключении 5 февраля 1942 года от пневмонии.

**Надежда Романовна, жена Георгия Владиславовича Калусовского,
1951 г.**

В архиве Иркутского КГБ честно написано: приговор — ВМН (высшая мера наказания). Расстрелян 14 декабря 1937 года в Иркутске. За что? — Для количества. Реабилитировали и бумагу дали.

У Георгия Владиславовича Калусовского остались две дочери (сыновей не было): Галина Георгиевна, 1932 года рождения, в замужестве Кривцова, и Евгения Георгиевна, 1938 года рождения, в замужестве Заморенова. И эта ветвь Калусовских по мужской линии закончилась.

Евгения Георгиевна оказала нам большое доверие и неоценимую помощь в исследовании родословия Калусовских. Она стала нашим связующим звеном с Владиславом Эдуардовичем Калусовским, живущим в Хабаровске и обладающим драгоценным кладом исторических документальных сведений о династии дворян Калусовских на протяжении более 250 лет.

* * *

28 января 1904 года был обнародован «Высочайший Манифест» о войне России с Японией. В нем было сказано: «Мы, Николай Второй... (Далее идет перечисление титулов. — Р. Я.) Объявляем всем Нашим верным подданным:

В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный Японским Правительством пересмотр существовавших между обеими Империями соглашений по Корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были однако приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических сношений с Россиею.

Не предуведомив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собою открытие военных действий, Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии.

Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимою верою в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных Наших подданных встать вместе с Нами на защиту Отечества, призываем

благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота.

Дан в Санкт-Петербурге в двадцать седьмый день января в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое, Царствования же Нашего в десятое» (2, с. 324).

Среди прочих войск в Маньчжурию из России был отправлен 148-й пехотный Каспийский великой княжны Анастасии Nikolaevны полк (отметим, что «патронессе» в 1904 г. было только четыре года). Полк был отправлен на Дальний Восток тем же путем, что и все войска: по железной дороге до станции Байкал, далее через озеро Байкал пароходами «Байкал» и «Ангара» до станции Мысовая, где снова перегружались на рельсовый путь.

До начала Русско-японской войны Россия не успела построить сквозной железнодорожный путь, и спешно достраивалась Кругобайкальская железная дорога — одновременно с военными действиями в Маньчжурии и переброской войск через Сибирь на Дальний Восток.

За все времена работы над составлением «родословного древа» Калусовских автора не покидала мысль о факте проведения первого поезда по маршруту Иркутск–Слюдянка–Мысовая Владиславом Михайловичем Калусовским. Когда это произошло — как узнать точную дату? Что за поезд это был? Нигде таких сведений найти не удавалось.

Но вот открываю «Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг.», составленную Нитом Степановичем Романовым, жителем Иркутска, тщательно следившим за газетами и прочими источниками информации своего времени и вносившим сведения в летопись «по горячим следам». Согласно «Летописи», время перед 1904–1905 годами было очень сложным и стремительным.

**Евгения Георгиевна Заморенова
(Калусовская). Иркутск, 1988 г.**

Назревали военные события на Дальнем Востоке, форсировалось строительство Сибирской и Забайкальской железных дорог. Война сразу втянула массу войск, которые непрерывным потоком двигались на восток по новым железным дорогам, а на станции Байкал возникла большая заминка. Было много грузов, товаров, людей. К тому же возник встречный поток поездов с ранеными военными, которых привозили в Иркутск и размещали в больницах, приспосабливали другие здания под госпитали, и даже был устроен палаточный госпиталь. Обо всем этом тщательно писал Н.С. Романов.

Была крайняя необходимость в скорейшей достройке Кругобайкальской железной дороги, чтобы составы поездов могли идти по сплошному рельсовому пути. Министр путей сообщения князь Хилков постоянно и регулярно ездил на Байкал, лично следил за строительством. Кругобайкалку начинали эксплуатировать буквально по отдельным ее участкам.

7 сентября 1904 года, писал Н.С. Романов, «открыто движение поездов между Култуком и станцией Байкал» (5, с. 42).

Оставалась часть от станции Слюдянка до Мысовой.

Но вот в суматохе и поспешании сомкнулась Великая Сибирская магистраль. Среди сотен застрявших по узловым станциям грузовых вагонов, среди стонов раненых солдат в санитарных вагонах — было ли время и возможность для помпезного открытия сего великого сооружения?

И все же, есть ли ответ на вопрос: какой поезд по сквозной Кругобайкалке прошел первым?

Есть! Есть такой ответ у Н.С. Романова, четкий, как все, о чем он писал.

«29 октября [1904 года] в 9 часов вечера по Кругобайкальской железной дороге прошел первый сибирский военно-санитарный

*Галина Георгиевна Кривцова
(Калусовская). Зеленогорск,
1980 г.*

великой княжны Анастасии Николаевны поезд в составе 35 вагонов с ранеными (420 нижних чинов и 24 офицера). Теперь перевозка будет совершаться по железной дороге, а пароходом „Феодосий“ с 25.VI по 28.X сделано 30 рейсов и перевезено раненых 6 779 нижних чинов, 266 офицеров, 5 генералов» (5, с. 44).

Санитарный поезд великой княжны Анастасии Николаевны был весьма комфортабельным. Раненых в нем было (округлим цифру) 450 человек. Делим 450 на 35 и получаем в среднем 13 человек на один вагон.

Судя по тому, что до этого поезда раненых перевозил пароход «Феодосий» (а это были пассажиры, не терпящие задержек в пути), надо полагать, что все иные-прочие пассажиры долго еще плавали через Байкал пароходами, пока строители 15 марта 1905 года не передали участок Мысовой–Байкал в эксплуатацию Забайкальской железной дороге.

Непростой был первый поезд. И шел он не от Иркутска к Мысовой, а от Мысовой к Иркутску. Так как состав был под опекой члена царской семьи — великой княжны Анастасии Николаевны, нельзя было допустить, чтобы с ним что-нибудь произошло.

Владислав Михайлович Калусовский в то время как раз работал на Забайкальской железной дороге и водил пассажирские поезда. Семья его жила на станции Хилок. Там в 1905 году у него родилась дочь Ядвига, и только после открытия Кругобайкальки семья Калусовских переехала на жительство в Слюдянку.

Кроме того, не все машинисты поездов были дворянами, а В.М. Калусовский был потомственным дворянином как минимум в пятом колене, и это позволяет предположить, что именно он провел важный по значению и назначению санитарный поезд в Иркутск. Пока все собранные нами факты говорят в пользу именно этой версии: приоритет принадлежит Владиславу Михайловичу Калусовскому, машинисту первого класса депо станции Слюдянка.

Несколько слов в связи с гибелью В.М. Калусовского.

В начале 1920 года, а именно 7 февраля в Иркутске был казнен без суда и следствия адмирал Александр Васильевич Колчак, «верховный правитель», преданный всеми, кто его окружал, — интервентами, чехословаками и его же белыми войсками. Его буквально продали иркутским большевикам, захватившим власть в Иркутске. Колчака поместили в городской тюрьме. День за днем ему устраивали допросы, которые по существу дела не имели никакого значения — иркутские большевики ждали подхода 5-й Армии, но более того — ждали указания Ленина, как поступить с Колчаком. И наконец это указание «архисекретно» поступило Иркутской губчеке: «ничего нигде

не сообщать», чтобы не замарать московское правительство, а вину свалить потом на «самоуправство иркутян».

«...С участием С.Г. Чудновского он [допрос] вылился не в вопросительную, а чисто в обвинительную форму с прерыванием обвиняемого на полуслове. Следствие уже не интересовали свидетельства виднейшего сына России об эпохе, ибо поступил приказ о его немедленном расстреле» (4, с. 266).

В расстреле Колчака принимали участие: И.Н. Бурсак (Б. Блатлиндер) — комендант города Иркутска; С.Г. Чудновский — председатель губчека, В.И. Ишаев — комендант тюрьмы. Колчака и Пепеляева застрелили лунной морозной ночью 7 февраля 1920 года в Иркутске на берегу реки Ушаковки и опустили в прорубь под лед. Бурсак позже в своих мемуарах издавательски писал: «...Так „верховный правитель всея Руси“ уходит в свое последнее плавание» (4, с. 269).

Теперь о дисциплине на ВСЖД в 1920-е годы.

«...Трудности положения в Восточной Сибири усугублялись еще и тем, что после разгрома колчаковщины вдоль железнодорожной дороги осели десятки тысяч белогвардейцев, эсеров, меньшевиков и членов других контрреволюционных партий. Они пытались проникнуть на транспорт и разлагать его работу. В этих условиях резко упала дисциплина среди части железнодорожников, возросли прогулы, снизилась производительность труда» — это уже из издания «Восточно-Сибирская электрическая» (1, с. 133).

Однако, как можно понять, большевикам выгоднее было опираться на люмпенов-крикунов, чем на людей высокой культуры и долга чести, каким был дворянин В.М. Калусовский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточно-Сибирская электрическая. — Иркутск, 1972.
2. Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б. Николай II. Последний российский император. — СПб., 1992.
3. Кулехов А.Д. Памятные годы. — М., 1957.
4. Плотников И.Ф. Колчак. — Ростов н/Д, 1998.
5. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск, 1994.
6. Санкт-Петербургские сенатские ведомости. — 1866. — 27 дек. (№ 103).
7. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранать и К°». — 7-е изд. — М., 1914. — Т. 29.
8. Яковец Р.Л. Первый на первом паровозе // Байкал-новости. — 2004. — 11 июня.

КУПЦЫ ШИШЕЛОВЫ В ИРКУТСКЕ

Лия Ефимовна Латышева,
кандидат химических наук,
член общества «Родословие», г. Иркутск

Начав поиски по родословным Латышевых, Путиловых, Веселовских, Лагутиных, составляющих основу «древа» моего мужа, я вспомнила и фамилию Шишевских. Каждый год посещая могилы близких, похороненных на Амурском (ныне Лисихинском) кладбище, мы поклоняемся и Наталье Ильиничне Ивашевской, урожденной Шишевой. В 1950-е годы мне доводилось бывать в семье Ивашевских и видеть ее — строгую, подтянутую, с хорошей осанкой женщину, поведением и манерами выказывающую человека образованного и с сильным характером. В те годы ей было 64–65 лет.

Окунувшись в летописи города Иркутска, я с удивлением обнаружила довольно частое упоминание фамилии Шишевских. К сожалению, это были только фамилии, без инициалов и имен. Первое упоминание о Шишевских относится к 1721 году. В летописи В. и А. Сибиряковых и в книге, посвященной первому столетию города Иркутска, записано следующее: «...в Иркутске учрежден низший надворный суд, первый был судья из Иркуцких дворян Василий Шишев» (27, с. 132; 24, с. 24).

В период 1820–1920 годов в городе одновременно проживало несколько семей Шишевских. Они занимались различного рода деятельностью, селились в разных частях Иркутска и являлись прихожанами определенных церквей.

По результатам поисков явно выделились две ветви рода. Используя данные адрес-календарей, посемейных списков купцов, окладных книг, имеющихся в библиотеках города и Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), я попыталась составить родословную схему Шишевских. Основателем рода в обеих частях схемы чисто символически, на данном этапе исследования предположительно, мною поставлен дворянин Василий Шишев.

Одни Шишевы, о которых упоминается в энциклопедии по купечеству и коммерции Сибири, — это иркутский купец 2-й гильдии Федор Петрович и его сыновья Гаврила, Петр и

Иван Федоровичи. Они владели торговыми лавками, управляли мельницами, заведовали городской скотобойней, держали лошадей.

Федор Петрович и Гаврила Федорович являлись попечителями Сиропитательного дома и состояли в совете директоров по управлению Банком Ел. Медведниковой (1881). Иван Федорович, купец 2-й гильдии, в 1872 году был соучредителем полного товарищества срочного буксирного Байкальского пароходства.

О финансовом состоянии этой семьи можно получить представление по окладным алфавитным книгам Иркутска, в которых оценивалась недвижимость горожан и выплаты налогов за тот или иной год. Для сопоставления «степени богатства» членов семьи Шишеловых привожу только стоимость недвижимости. Так, Федор Петрович Шишлов, в 1876 году проживавший на Спасо-Лютеранской улице, владел недвижимостью стоимостью в 13 575 рублей. А его внукам, детям Гаврилы Федоровича, Федору, Яну и дочерям, в 1882 году была отписана недвижимость в 1 480 рублей и 1 457 рублей.

Шишловы были порядочными прихожанами Крестовоздвиженской и Спасской церквей в Иркутске. Более того, Федор Петрович в 1866–1868 годах являлся церковным старостой в Крестовоздвиженской церкви, а Петр Федорович —

**Илья Семенович и Екатерина Васильевна Шишловы,
начало XX в.**

почетным блюстителем в Крестовоздвиженском женском приходском училище. Это была богатая династия, которая умела беречь и приумножать капиталы, иногда даже выходя за рамки закона. В ГАИО сохранилось несколько дел 1888 года, связанных со взысканием долга по векселям с купца Гаврилы Федоровича: поверенным Александро-Невского товарищества — 1 600 рублей, наследниками Хаминова — 3 900 рублей, крестьянином Поповым — 100 рублей, а также с женой Гаврилы Федоровича, Сусанной Никандровны, за поселенцев Борисовых и др. — 30 рублей.

Эта династия купцов была богата детьми. У Гаврилы Федоровича и Сусанны Никандровны (род. в 1849 г.) было шесть сыновей и три дочери. По изменениям в местожительстве членов семей этой ветви Шишловых, по адрес-календарям города Иркутска и метрическим книгам мне удалось проследить, как росли, множились семьи купцов и какие профессии выбирали их дети и внуки.

Сын Гаврилы Федоровича Леонид в 1908 году работал смотрителем ночлежного дома, а в 1911–1914 годах — смотрителем в больнице для хронических больных И.Л. и А.К. Медведниковых. Дочь Валерия в 1901 году была вольнонаемной служащей обсерватории и проживала в доме Шафирова на улице Малой Блинной (ныне ул. Чехова).

Петр Федорович, купец 1-й гильдии, был женат на Раисе Михайловне (род. в 1869 г.), проживали они на улице Саламатовской (ныне ул. К. Либкнехта). В семье было четыре сына и две дочери.

Дочь Марфа в 1908 году, 21 года, вышла замуж за 24-летнего дворянина Николая Панина. Таинство православного брака совершил протоиерей Крестовоздвиженской церкви Евгений Знаменский. Поручителями по жениху были мещанин Петр Петров Шишлов и крестьянин Иван Припунов.

Сын Петра Федоровича Николай был женат на Наталье Ямстевой. Они вместе со своими детьми Николаем, Митрофаном и Дарьей проживали в доме по 3-й Иерусалимской (ныне ул. Трилиссера), 43. По этому же адресу в 1908 году проживали также брат и сестра Николая Петровича — Марфа и Алексей. Дарья Николаевна с 1905 по 1915 год работала на телеграфе, а Николай Николаевич — фельдшером приемного покоя Забайкальской железной дороги. Митрофан Николаевич являлся служащим губернского суда.

В 1914 году местожительство детей Николая Петровича сменилось. Николай, Митрофан и Дарья переселились в дом Кравца в переулке Большаковском (ныне Большевистский),

11. Вместе с ними проживала и некто Дарья Зиновьевна Шишелова, предположительно жена одного из братьев.

Другая ветвь Шишловых, фамилия которых, по воспоминаниям родственников, произнислась с ударением на первом слоге, имеет непосредственное отношение к вышеупомянутой Наталье Ильиничне, ее внукам и правнукам. Эти купцы Шишеловы занимались строительством домов, пароходов, рыбным промыслом. Довольно часто они упоминались как «цеховые».

Цеховые — это сословие, которое по правам и положению приближалось к мещанам и пользовалось правами и выгодами мещан. Мещане, цеховые, как и купцы, в отличие от духовенства и чиновников являлись податным сословием. Но в отличие от купечества налогообложение мещан практически не зависело от их имущественного положения. В сословие цеховых мог попасть «всякий в городе, который ремесла или рукоделия производит» (31, с. 34). Накоплению капиталов помимо известных способов (продажа продуктов ремесла, выполнение подрядов) способствовала тесная связь купечества и цеховых с местной властью. Примером такого сотрудничества являлась династия купцов-пароходовладельцев Шишеловых. Выдвигаемые практически постоянно гласными в городскую думу и участвуя в различных комиссиях Шишеловы получали наиболее выгодные подряды и контракты.

Дед Натальи Ильиничны Семен Александрович Шишелов был известный в России пароходовладелец. В 1844 году, когда появился первый пароход на Ангаре и Байкале, построенный на верфях в Грудинино в 18 километрах от Иркутска, С.А. Шишелову было 24 года. С 1895 года Семену Александровичу совместно

*Екатерина Васильевна Шишелова
с дочерью Наташой, 1889–1890 г.*

с Л.М. Коковиным принадлежало пароходство, осуществлявшее перевозку различных грузов (лесоматериалы, чай, рыба) из села Лиственничное в Смоленскую волость Иркутского уезда. С 1898 года С.А. Шишевов владел пароходством единолично. Принадлежавшие ему паровой катер под названием «Петр и Павел» и баржа «Мария» конкурировали в перевозке грузов в вышеуказанном направлении с пароходом А.Я. Немчинова. С 1901 года С.А. Шишевов перевозил грузы уже без конкурентов.

Семен Александрович был женат на Марии Ивановне Миталловой. В семье росли три сына и дочь. Прожил Семен Александрович до 82 лет, скончался 12 января 1902 года «от старости». Похоронен на «городском кладбище».

Его брат, Иван Александрович, являлся арендатором городских переправ через Ангару. В 1895, 1899 годах он представлял торговно-промышленную фирму «Миссионеры», занимался благотворительностью. Другой представитель династии, Александр Александрович, был крупным рыбопромышленником, держателем паров в Усть-Балее в 1895, 1899, 1901 годах.

Эта ветвь династии Шишевовых, по-видимому, арендовала остров на Ангаре. Землю в те годы не продавали, хотя, по воспоминаниям родственников, остров им принадлежал. Остров действительно носил название Шишевский. Нередко в «Иркутских губернских ведомостях» можно было встретить такого рода объявления: «В Иркутской городской управе 24 августа в 12 часов дня будут проведены торги на сдачу в аренду свободных участков на Шишевском острове на Ангаре под склад лесных материалов и постройку лесопильных и других заводов» (22). В летописях Иркутска есть сведения о том, что на Шишевском острове открыт лесопильный завод Н. Курбатова.

Сейчас этого острова нет, но можно представить, где он был. В книге «Иркутск на почтовых открытках» приводится вид Иркутска с протокой Ангары у Шишевского острова: «Снимок сделан с Петрушиной горы с того места, где теперь находится иркутская студия телевидения» (25, с. 334).

Более того, в памятной книжке Иркутской губернии за 1904 год в таблице «Иркутские районы» указан Шишевский район, однако в графе, показывающей расстояние до волостного управления и Иркутска, стоит прочерк. Видимо, речь идет о том же острове.

Илья Семенович Шишевов явился достойным продолжателем дел родных и отца. Как сейчас принято говорить, он имел активную жизненную позицию: постоянно избирался в

общественную управу, в городскую думу 1904, 1908, 1909, 1914–1915 годов, являлся членом земельного комитета по аренде и застройке, членом комитета по наблюдению за переправами через реку Ангару. Он построил в городе несколько домов. Судя по его переписке с властями имущими, Илья Семенович был образован, умен, терпелив и одновременно напорист.

Самым крупным и, видимо, любимым делом у Ильи Семеновича, как и у его отца, было пароходство. Были и неудачи: сгорел пароход. Построил новый. В 1895–1896 годах Илья Семенович имел на Байкале «винтовой 20-сильный пароход и три баржи при нем и осуществлял перевозку самых различных казенных и частных грузов по озеру Байкал и рекам Ангаре и Селенге» (1, л. 17). За сезон он перевозил до 100 тысяч пудов груза. В отличие от многих других купцов Илья Семенович был человеком гуманным и за перевозки устанавливал невысокие, приемлемые цены, как тогда говорили, «держал низкий фрахт». Об этом свидетельствуют отзывы купцов, пользовавшихся услугами

Семья С.А. Шишелова. Стоят (слева направо): сын Илья Семенович, внучка Наташа, зять (муж дочери Марии), племянник Иван Иванович, неизвестный, сын Иван Семенович. Сидят: невестка Екатерина Васильевна (жена Ильи Семеновича), внук Степан, дочь Мария Семеновна, Семен Александрович Шишлов, его жена Мария Ивановна, невестка (жена Ивана Семеновича) с детьми. 1890-е гг.

**Николай Иннокентьевич
Ивашевский, муж Натальи
Ильиничны, начало XX в.**

И.С. Шишелова. А заключали с ним контракты по доставке товаров многие. Одним из них был подрядчик по доставке казенной соли в магазины и грузов интендантского и артиллерийских ведомств (в том числе и артиллерийских снарядов) иркутский 1-й гильдии купец Исаи Матвеевич Файнберг. Соль доставлялась с иркутского солеваренного завода в Забайкалье, в Меркушево. Обратно из Забайкалья до Лиственничного Файнберг отправлял принадлежавший ему чай. Шерсть, свечи, гуджир, соль и другие различные товары доставлял Илья Семенович арендатору стекольного завода Домбровскому, купцу Верховинскому, почетному

гражданину Белоголовому, усть-баргузинским купцам Новомейкину и Фризеру, кяхтинскому купцу Якову Пятовскому.

Будучи купцом не очень богатым, об этом Илья Семенович сам упоминает в письме к губернатору, своей пристани на Байкале он не имел, а арендовал за невысокую цену пристань, принадлежавшую казне. По поводу аренды пристани в 1896 году в ГАИО сохранилось дело, которое так и называется — «Дело о сдаче в аренду Клюевской пристани на Байкале пароходовладельцу Шишелову». А дело заключалось в том, что купец Немчинов, владевший практически уже всеми, кроме Клюевской, пристанями на Байкале, решил купить и ее. В этом случае он становился полновластным хозяином перевозок на Байкале и мог диктовать свои условия. Мелким пароходовладельцам, в том числе и Шишеловым, грозило разорение.

Генерал-губернатор Восточной Сибири хорошо понимал создавшуюся ситуацию и отстаивал интересы Шишелова перед Министерством финансов, прося не проводить торги. Из записки генерал-губернатора А.Д. Горемыкина министру финансов: «Шишелов небольшими средствами завел пароход, на котором доставляет грузы через Байкал. При

таких условиях Шишелов не может подорвать Немчинова, но в известной степени будет способствовать понижению „фрахта“, впоследствии Шишелов может найти товарищей по предприятию и тогда создать Немчинову более-менее конкуренцию, вынуждая последнего понизить грузовой тариф, который с основания пароходства на Байкале еще кяхтинским товариществом держится на максимальной высоте, поднимать выше уже некуда» (1, л. 26).

Поддерживали Шишелова иркутские купцы, селенгинский съезд судовладельцев, байкальские рыбопромышленники, но увы... торги были назначены. Пять конкурентов Немчинова из судовладельцев и рыбопромышленников, пытавшиеся купить пристань, не нашли нужных сумм. Пристань купил Немчинов.

До тех пор пока Министерство финансов не утвердило торги, Илья Семенович, несмотря на жалобы Немчинова во все правовые инстанции на нарушение его прав, продолжал пользоваться пристанью. Но в дальнейшем плата неустоек купцам за неперевезенный товар грозила разорением пароходства Шишелова на Байкале.

Помощь пришла совершенно неожиданно от инженера А.Н. Пушечникова. Предварительные изыскания по строительству Кругобайкальской железной дороги и определение наиболее приемлемых пунктов для доставки строительных материалов определили и предполагаемые гавани, наиболее близкие к железной дороге и удобные для приставания барж и пароходов. Илья Семенович лично получил разрешение «пользоваться железнодорожными гаванями на Байкале в Мысовой и у Баранчиков» (1, л. 62) с открытием навигации 1898 года. Плата за пользование была установлена в размере 1/4 копейки с пуда. Судьба пароходовладельцев на Байкале была спасена.

Рыбопромышленники и пароходовладельцы Шишеловы проживали и имели дома в

*Наталья Ильинична
Шишелова, 1910-е гг.*

1-й части города Иркутска по улицам Набережная Ангары, Дегтевская (ныне Российской), Луговая (Марата) и Троицкая (5-й Армии). При необходимости увеличение жилых площадей производилось за счет достройки новых этажей. В 1914 году Иван Семенович просит городскую управу дать разрешение «на надстройку второго этажа деревянного дома на 3-х каменных навесах на своей усадьбе, находящейся в 1-й части г. Иркутска на Набережной Ангары, 68» (12).

Деятельность этой ветви Шишловых была связана и непосредственно с городом Иркутском. Об этом свидетельствуют факты, зафиксированные Нитом Романовым. Переправа через Ангару нередко становилась серьезной преградой. Сложно было переправляться и на карбазах, и на устроенных в конце 1750-х годов «самолетах-плашкоутах», ходивших от одного берега к другому за счет течения реки.

Из протокола городской думы, май 1888 года: «После реформы 1861 г. помещики и крестьяне переживали тяжелый кризис. Крестьяне страдали от малоземелья и в Сибирь и на Дальний Восток ринулись переселенцы. Это были неимущие слои населения, платить было нечем и на переправе через Ангару скопилось большое количество переселенцев» (20, с. 10). На заседании думы 10 августа губернатор предложил облегчить каким-либо образом переезд переселенческих партий. Арендатор городских перевозов Иван Шишлов решает перевозить бесплатно.

В 1890 году городская дума постановила строить через Ангару постоянный мост на понтонах. К июню 1891 года к приезду цесаревича Николая мост из 15 понтонов был построен, два понтона обеспечил И.С. Шишлов, понтоны обошли по цене 1 780 рублей каждый. В последующие годы Шишловы принимали участие в ремонте и подновлении четырех понтонов моста.

В 1893 году при составлении проекта каменного здания городского театра комиссия театрального строительного комитета заключила контракт по доставке лесных материалов с подрядчиком Ильей Шишловым.

И последний факт, связанный с этой династией Шишловых и городом Иркутском, который не подтвержден документально, а рассказал мне правнучкой Ильи Семеновича, Татьяной Ивашевской. Ее отец, проведший детство в уютном родовом доме Шишловых, вспоминал, что красивую золоченую мебель гостиной при открытии городского театра по просьбе администрации театра и разрешению деда из их дома увезли в театр.

Шишеловы этой ветви рода являлись прихожанами Троицкой церкви. В летописи Н.С. Романова отмечен факт поднесения протоиерею Литвинцеву в 1898 году в связи с 50-летием духовной и учебной деятельности старейшим прихожанином Троицкой церкви Семеном Александровичем Шишеловым иконы Спасителя в «серебро-позлащенной» ризе от благодарных прихожан (28, с. 386).

Еще несколько слов о личной жизни Ильи Семеновича, хотя многое уже выше изложено. Его мать, Мария Ивановна, была младше своего мужа, прожила 55 лет, скончалась от плеврита, отец, Семен Александрович Шишелов, как уже отмечалось, прожил 82 года. Илья Семенович был женат на дочери иркутского мещанина Василия Могилева, Екатерине. В семье росли двое детей — Наталья и Степан. Наташа родилась 15 августа 1888 года, 17 августа была крещена в Троицкой церкви, о чем свидетельствует запись в метрической книге. Восприемниками при крещении, крестными, были дед по линии матери Василий Дмитриевич Могилев и бабушка Мария Ивановна, жена Семена Александровича.

Неожиданно в марте 1902 года в семье появился третий ребенок — двухнедельный малыш, подкинутый к дому Ильи

*Иван Николаевич Ивашевский, сын Натальи Ильиничны,
1960-е гг.*

Семеновича. Его приняли в семью. Крестили в Троицкой церкви и нарекли Иваном («Иоанном»). Интересно отметить, что крестными при крещении этого мальчика в метрической книге были записаны четырехлетняя Наташа и двухлетний Степан (5). Сведений о дальнейшей судьбе продолжателей рода Шишловых — Степана и Ивана — не имеется.

На этом можно и закончить статью, так как у православных родство принято считать лишь по мужской линии. Я же начинала поиск с целью установить близких Натальи Ильиничны и поэтому закончу информацией о ее судьбе, хотя это уже история семьи Ивашевских.

Детство Наташи, можно представить, было счастливым и беззаботным. В первые годы жизни ее окружали родители, бабушки и дедушки. Семен Александрович ушел из жизни, когда ей было уже 14 лет, бабушки Марии она лишилась в четыре годика. Наташа получила хорошее образование. Она окончила 8 классов иркутской 1-й И.С. Хаминова женской гимназии. Выданный ей 28 мая 1905 года аттестат давал право на получение свидетельства, удостаивавшего званием домашней наставницы или учительницы и возможность поступления на работу не только в частный дом для воспитания детей, но и в какое-нибудь казенное место, учебное заведение. Получив возможность преподавать, Наташа преподавала русский язык, музыку. В возрасте 20–21 года она познакомилась с молодым Николаем Ивашевским. Основателями его рода были иркутские купцы Ивашевские (Ивашовские), известные в Сибири с 1710–1725 годов. Впоследствии в результате неудачных торговых операций ряд представителей Ивашевских становятся несостоятельными и они переходят в мещанскоесословие.

По образованию, финансовому положению и жизненным позициям Ивашевские были близки Шишловым. Родители Николая Иннокентьевича, Варвара Федоровна и Иннокентий Иванович, были состоятельными людьми. По имеющимся окладным книгам, в 1873, 1876 годах недвижимость Варвары Федоровны составляла 3 580 рублей, отца Иннокентия Ивановича, Ивана Николаевича Ивашевского, — 3 300 рублей.

В 1908 году Николай Иннокентьевич Ивашевский определением юридической испытательной комиссии при университете Св. Владимира в Киеве был удостоен диплома второй степени. Этот диплом давал владельцу право на причисление к личному почетному гражданству и на поступление на гражданскую службу в XII чине. В годы знакомства с

Натальей Ильиничной Шишеловой служил в управе губернским секретарем.

В 1910 году молодая семья пополнилась новым членом: 21 марта родился мальчик, которого 24 числа в Троицкой церкви окрестили и нарекли Иваном. Восприемниками при свершении таинства крещения были иркутский цеховой Илья Семенов Шишев и вдова иркутского мещанина Варвара Федоровна Ива-шевская.

Жизнь Наташи и Николая протекала удачно, в семье родился второй сын — Николай. Но вскоре счастливая и безоблачная жизнь в доме на Набережной нарушилась: неожиданно ушел из жизни Николай Иннокентьевич Ива-шевский, затем Илья Семенович Шишев. К приходу новой государственной власти 32-летняя Наталья Ильинична осталась без родных с сыновьями пяти и десяти лет и практически без средств к существованию.

По воспоминаниям родных, родовой дом и другую собственность, принадлежавшую наследникам, можно было сохранить лишь в том случае, если собственник брал на себя обязательство полностью отремонтировать свои дома вплоть до смены фундаментов. Наталья Ильинична отказалась от своей недвижимости и никогда об этом не жалела. В справке, выданной ей горкоммунальным, написано: «...1-го марта 1930 г. Ива-шевская Н.И. добровольно передала в муниципализированный фонд принадлежавшее ей недвижимое имущество — домовладение, находящееся по улице Набережной Ангары, № 66...». Ее старший сын Иван, проведший детство в этом доме, и будучи взрослым часто навещал живших в доме друзей, с которыми он в годы войны после работы рыбачил на Ангаре. Дом, построенный

**Николай Николаевич Ива-шевский
и Цеденбал. 1944–1945 г.**

его дедом, Ильей Семеновичем Шишловым, стоит и поныне.

Ивашевская с детьми перебралась в дом по улице Мясной (этот дом стоит и поныне, ул. Франк-Каменецкого, 38). В небольшой комнате на первом этаже, поделенной занавеской на детскую и кухню, растила своих детей. Она не сломилась и не прогнулась под изменением судьбы: устраивалась на работу в школы, преподавала русский язык, музыку, работала корректором в одной из типографий Иркутска.

Наталья Ильинична вырастила и дала образование своим детям. Старший сын, Иван Николаевич, окончил горное училище и многие годы заведовал бюро технической оснастки и приспособлений при конструкторском отделе завода имени Куйбышева. Очень много времени он отдавал работе общественной библиотеки на заводе.

Младший сын, Николай Николаевич, окончил Иркутский институт народного хозяйства, но отдал предпочтение военной карьере. После Великой Отечественной войны он занимался обеспечением и снабжением войск, находившихся в Германии.

Во время учебы в институте Николай подружился с однокурсником Цеденбалом, впоследствии ставшим крупным го-

Дом на ул. Мясной (ныне Франк-Каменецкого, 38), в котором поселилась Н.И. Ивашевская с детьми в 1930 г.

сударственным и политическим деятелем Монголии. За успехи, проявленные в учебе, Цеденбал и Ивашевский были награждены туристическими путевками по СССР, с тех пор их дружба еще более окрепла и продолжалась до конца жизни Николая Николаевича.

Наталья Ильинична всю жизнь прожила со старшим сыном и его семьей. В 1950-е годы Иван Николаевич получил от завода небольшую квартиру на улице Дзержинского (бывшая Арсенальная), и семья переселилась туда. Наталья Ильинична помогала по хозяйству, воспитывала внуков Леонида и Татьяну. При ее жизни и внук завел свою семью.

Ушла из жизни Наталья Ильинична Ивашевская, урожденная Шишелова, на 72-м году жизни.

Из книги, посвященной первому столетию Иркутска: «Заселение или движение с Руси в Сибирь происходило из таких городов, как Ярославль, Вологда, Устюг, Тобольск». Василий Шишелов упоминается среди поселенцев Иркутска в 1721 году. Анализируя данные, приведенные в адресных и справочных изданиях «Вся Москва», «Вся Россия» и «Весь Петербург» в 1895, 1899–1903 годы, пришла к выводу, что наибольшее количество богатых людей и купцов, носивших фамилию Шишеловых и владевших мануфактурными товариществами, меднолитейным заводом, страховым обществом «Россия», трактирами и доходными домами, проживало в Москве и Московской области.

В заключение хочу поблагодарить правнучку Ильи Семеновича, Татьяну Ивановну Ивашевскую, за предоставленные фотографии и воспоминания о ее родных, без которых этот материал был бы неполным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАИО, ф. 31, оп. 3, д. 409. Дело о сдаче в аренду Клюевской пристани на Байкале пароходовладельцу Шишелову.
2. ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 112.
3. ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 139. Метрическая книга Спасской церкви, 1871–1872 гг.
4. ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 148.
5. ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 368. Метрическая книга Троицкой церкви, 1902 г.
6. ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 903. Метрическая книга Крестовоздвиженской церкви, 1908 г.
7. ГАИО, ф. 50, оп. 9, д. 914.
8. ГАИО, ф. 70, оп. 2, д. 14, 15.

9. ГАИО, ф. 70, оп. 2, д. 100.
10. ГАИО, ф. 70, оп. 2, д. 330, 331.
11. ГАИО, ф. 70, оп. 3, д. 173, 174.
12. ГАИО, ф. 70, оп. 2, д. 5361.
13. ГАИО, ф. 91, оп. 2, д. 631, 632, 633, 634.
14. ГАИО, ф. 153, оп. 1, д. 1109, 1110.
15. Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей: Адресная и справочная книга на 1909 г. — Иркутск, 1909.
16. Весь Петербург на 1908 г.: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — СПб., 1908.
17. Восточно-Сибирский календарь на 1906 г.: Настольно-справочная книга с включением отдела «Весь Иркутск». — Иркутск, б. г.
18. Вся Москва: Адресные и справочные книги на 1900–1903 гг.
19. Вся Россия: Русские книги промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календари Российской империи. 1895–1903 гг.
20. Известия Иркутской городской думы. 1886–1895 гг. — СПб., 1899. — Т. 3, кн. 17–18.
21. Иркутск. Три века: Страницы жизни. — Иркутск, 1986.
22. Иркутские губернские ведомости. — 1908. — 28 апр.
23. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск, 1999. — Т. 4, кн. 3.
24. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. — Иркутск, 1996.
25. Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. — М., 1996.
26. Памятные книжки Иркутской губернии на 1881, 1885, 1887, 1891, 1900–1906, 1908–1909, 1911–1915 гг.
27. Первое столетие Иркутска / Изд. В. Сукачев. — СПб., 1902.
28. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. — Иркутск, 1993.
29. Справочники по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1914, 1915 гг.
30. Тугарина П. Судоходство на Байкале в XVII–XIX вв. // Сибирское наследие. — 2004. — № 5. — С. 7.
31. Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: Очерки социально-экономической и культурной жизни. — Иркутск, 2001.

РОДОСЛОВИЕ БЕССОНОВЫХ

Наталья Николаевна Михайлова,
член общества «Родословие»,
г. Иркутск

Я отношусь по моей материнской линии к семейству Бессоновых. Начало этого рода в Иркутске положил мой дед Николай Николаевич Бессонов. А сам он происходил из санкт-петербургской дворянской семьи. В Иркутске родились и жили семеро детей моего деда. В настоящее время члены рода Бессоновых находятся в Иркутске и Москве, а также в Украине.

Я родилась, воспитывалась и прожила до зрелого возраста в семье деда. Он умер, когда я была еще девочкой, но я хорошо его помню, а главное, знаю много о нем по рассказам моей бабушки, моей мамы, моих тети и дядей, по его документам. Дед был очень известным в 1920–1930-х годах и уважаемым врачом в Иркутске. Он был признан прекрасным диагностом, его обязательно приглашали на консилиумы в самых затруднительных случаях, и он почти никогда не ошибался в диагнозе. Врача Николая Николаевича Бессонова до сих пор помнят старожилы нашего города. Я встречаю людей, которые говорят: «Он лечил моих родителей (или деда, или прадеда)». И я с гордостью выслушиваю выражаемые при этом благодарность и признательность моему деду.

Родился Николай Николаевич Бессонов 3 января 1871 года в Санкт-Петербурге. В одном из своих стихов, коих у меня имеется целая тетрадка, написанная его рукой, он вспоминает, что рано остался сиротой. Вырос в чужой большой семье. О родителях деда я, к сожалению, почти ничего не знаю. Известно только, что они были дворяне и жили в 1800-х годах в Санкт-Петербурге. Я даже не знаю их имен. В нашей семье, думаю, из предосторожности, никогда не говорили об отце и матери деда. В семейном архиве сохранилось лишь небольшое фото красивой молодой женщины — его матери. Поэтому одной из моих главных задач в работе над родословной является поиск сведений о родителях деда. В журнале «Наше наследие» в статье Н. Снытко «Осташево» я обнаружила фотографию середины

**Мать Николая Николаевича
Бессонова. Санкт-Петербург**

XIX века, на которой изображен граф Сергей Дмитриевич Шереметев, его жена Екатерина Павловна, в девичестве Вяземская, и еще одна женщина, о которой в подписи к фотографии ничего не сказано. Мы с моей сестрой в этом снимке узнали фото, когда-то хранившееся в нашем семейном архиве. Сейчас оно, к сожалению, утеряно. Не могла такая фотография случайно оказаться у нас дома! И вот из письма ко мне вице-президента Русского генеалогического общества А.В. Краско, к которой я обращалась за помощью, я узнала, что вторая женщина на фотографии — Александра Павловна Вяземская (в замужестве Шмарова), родная сестра Екатерины Павловны. И еще, к радости моей, А.В. Краско

сообщила, что с графом С.Д. Шереметевым и князем П.П. Вяземским (отцом Екатерины и Александры) был знаком и как-то связан Петр Алексеевич Бессонов (1828–1898), известный русский славист, исследователь фольклора, написавший книгу о графине Прасковье Шереметевой, бывшей крепостной актрисе. Возник вопрос-надежда: не имеет ли отношение этот П.А. Бессонов к роду моего деда? Это всего лишь тоненькая ниточка, но за нее необходимо ухватиться в дальнейших поисках.

Дед еще в детстве твердо решил, что будет врачом, и его даже в шутку прозвали «лейб-медиком». Он осуществил свою мечту. В 1894 году Николай Николаевич окончил Санкт-Петербургскую императорскую военно-медицинскую академию с Похвальным листом и получил звание «лекаря с отличием». Через девять лет ему было присвоено звание доктора медицины после защиты диссертации в той же академии. По окончании

академии дед получил назначение в Керченский военный лазарет и служил младшим врачом. В 1897 году Николай Николаевич был переведен в Иркутский военный госпиталь, где начал службу младшим ординатором. А уже в 1910 году он был помощником главного врача госпиталя. Имел звание статского советника, военное звание — полковник.

Важным событием в жизни военного доктора Н.Н. Бессонова было участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов в составе 6-го Сибирского пехотного полка. В пожелавшей за множество лет, но хорошо сохранившейся тетрадке деда есть несколько стихотворений, написанных в Маньчжурии в 1904 году. Они отражают его сострадание бойцам, восхищение их мужеством и патриотизмом и в то же время неподобранное отношение к военному начальству и всей военной организации, ошибкам, неразберихе, приведшим к поражению. В одном из этих стихотворений под названием «Русско-Японский поход» (опубликовано в журнале «Земля Иркутская») он написал такие печальные строчки: «Говорили про удачу — мы исполнили задачу. Все же не возьму я в толк, для чего разбит наш полк, для чего деревню брали, наши пушки в нас стреляли...».

В 1918 году дед вышел в отставку по болезни (у него была «грудная жаба») и стал гражданским врачом. В разное время работал в качестве врача на Восточно-Сибирской и Забайкальской железной дороге. Был врачом-терапевтом Котельниковской амбулатории, разъездным врачом центральной амбулатории, врачом-терапевтом клиники УНКВД, независимым консультантом. Зани-

**Николай Николаевич Бессонов,
1915 г.**

**Федор Андреевич Матисен, начало
1900-х гг.**

очно-Сибирская правда» тогда поместила заметку о юбилее Николая Николаевича, где характеризовала его как «прекрасного врача и исключительно чуткого человека».

Скончался Н.Н. Бессонов в декабре 1941 года в возрасте 70 лет. Похоронен на Лисихинском кладбище. Живущие в Иркутске его потомки бережно сохраняют могилу и ухаживают за ней.

Я помню своего деда уже старым и больным. А был он в жизни красив, умен, остроумен. Пользовался большим успехом у женщин. Был прекрасным верховым наездником. Писал стихи, играл на пианино. Я всегда с особым трепетом слушаю Шопена, и это, должно быть, заложено дедом, который более всего любил играть вальсы Шопена. Имел дед и большую слабость — был заядлым картежником. Постоянными партнерами его по преферансу были иркутские врачи Маркевич, Москвитин, Заорский и др.

мался частной практикой по глазным и внутренним болезням. Одновременно он преподавал в Военно-фельдшерской школе и других учебных заведениях Иркутска.

В нашем семейном архиве в серой картонной папке хранится «Дело с документами по проведению 40-летнего юбилея доктора Бессонова Н.Н.». В марте 1935 года в центральной поликлинике Иркутска (ныне поликлиника № 2 на ул. Ленина) была торжественно отмечена эта дата, в связи с ней доктор Бессонов был награжден именными серебряными карманными часами, Почетной грамотой Иркутского горсовета и премией в 1000 рублей. «Вос-

Доброй чертой деда было его сердечное отношение к своей родной сестре Ольге Николаевне Бессоновой. Ольга была немного старше Николая. Она была хромой с детства, замуж не выходила и всю жизнь жила в семье деда. Ольга Николаевна была хорошо образованна, знала языки. Она очень любила детей Николая, посвящала им все свое время. Ольга Николаевна с братом приехала в Иркутск и прожила здесь до конца дней.

Очень хочу рассказать о двоюродном брате деда, хоть он не имеет прямого отношения к описываемой мной родословной. Это Федор Андреевич Матисен. Я не знаю, по какой линии он приходится деду двоюродным братом. Они оба родились (Федор Андреевич в 1872 г.) в Санкт-Петербурге. Там провели совместные молодые годы. Ф.А. Матисен в 1897 году окончил морской кадетский корпус. Он стал известным русским военным гидрографом и путешественником. Более всего он известен по Русской полярной экспедиции 1900–1903 годов под руководством барона Э.В. Толля, где был капитаном-командиром яхты «Заря», а после гибели Толля — начальником экспедиции. Ф.А. Матисен посвятил всю свою жизнь полярным исследованиям, связанным с освоением Россией Северного

Николай Николаевич Бессонов с женой Варварой Болеславовной (урожденная Шостакович) и детьми Лялей и Колей. Иркутск, 1890-е гг.

Морского пути. Имя Матисена носит пролив между островами Вилькицкого и Нансена у северного берега Таймырского полуострова. Матисен был сподвижником по путешествиям и личным другом адмирала Колчака. Но он никогда не занимался политикой и в советское время посвятил себя любимому делу — гидрографическим исследованиям, в частности устья реки Лены в связи с использованием ее в системе Северного Морского пути.

По делам организации различных экспедиций Ф.А. Матисен неоднократно бывал в Иркутске (1902, 1903, 1919, 1921 гг.), в том числе совместно с Колчаком. В каждый свой приезд он останавливался и жил в доме брата — врача Н.Н. Бессонова (по ул. Большая Ленинская, 18, ныне ул. Декабрьских Событий). В последний раз Матисен остановился в Иркутске в 1921 году проездом из командировки в Дальневосточной Республике в Петроград для продолжения научной работы. По дороге

он заболел тифом и скончался в Иркутском военном госпитале 25 декабря. Похоронен на Иерусалимском кладбище. Могила не сохранилась. После его кончины у брата остались некоторые личные вещи Федора Андреевича. Мы и сейчас бережно храним эти реликвии: фотографии, серебряные карманные часы, личную печатку из горного хрусталия, наградной знак, выданный ему Николаем II за участие в Шпицбергенской градусной экспедиции, иркутское издание отчета об экспедиции к устью Лены в 1921 году.

Дети Николая Николаевича и Варвары Болеславовны Бессоновых (слева направо): Ляля, Коля, Юша. Иркутск, 1900-е гг.

Моя сокровенная мечта — отыскать и восстановить могилу этого достойного сына своего отечества, так бездумно и преступно уничтоженную вместе с другими на Иерусалимском кладбище. Знаю, что это очень трудно.

Дед мой был дважды женат. Первым браком — на Варваре Болеславовне Шостакович. Варвара Болеславовна — полька, дочь участника национально-освободительного движения в Польше, сосланного в Сибирь, Болеслава Петровича Шостаковича. Этот человек стал в Иркутске известным и уважаемым ученым, общественным деятелем. В 1902–1903

годах он был иркутским городским головой. Варвара Болеславовна приходится теткой знаменитому композитору Д.Д. Шостаковичу и историку, профессору Иркутского госуниверситета Сергею Владимировичу Шостаковичу, бабкой ныне здравствующему профессору госуниверситета Болеславу Сергеевичу Шостаковичу.

Познакомились мой дед и Варвара Болеславовна в Санкт-Петербурге в годы учебы деда в академии. Варвара Болеславовна в это время или жила, или училась в Петербурге, или часто приезжала туда. Об этом говорят несколько ее снимков, сделанных в эти годы именно в Петербурге. Венчались они в Керчи, где работал дед после окончания академии. Вероятно, именно женитьба явилась причиной того, что дед поселился в Иркутске, где находилась ссыльная семья Шостаковичей. Николай Nikolaevich и Варвара Болеславовна жили в Иркутске на улице Большая Ленинская, 18. Жена родила деду dochь Лялечку и сыновей Колю и Юрия. Во время последних родов она умерла, оставив мужа вдовцом с тремя детьми.

Второй брак. Через пять лет дед женился второй раз — на моей бабушке Анне Викторовне Гейбович. Они познакомились задолго до этого в иркутском Институте императора Николая I

*Анна Викторовна Бессонова
(урожденная Гейбович). Иркутск,
1920-е гг.*

Виктор Антонович и Евдокия Арсентьевна Гейбовичи. Москва, 1880-е гг.

друга. Вот какие стихи написал дед своей невесте:

За ласковый твой взгляд отdam, тебя любя,
Остаток дней своих — дороже их он стоит.
Пускай принадлежит тебе вся жизнь моя.
Ни слова обо мне. Все для тебя, дитя.
Тебе одной молюсь. Пускай молитва та
В рай навсегда дорогу мне закроет.
Не надо рая мне — я так люблю тебя!
Ни слова обо мне. Все для тебя, дитя.

Анна Викторовна Гейбович родилась 28 апреля 1882 года в городе Канске Красноярского края в семье дворян: врача, титулярного советника Виктора Антоновича Гейбовича (из ссыльных поляков) и его жены, русской, Евдокии Арсентьевны, в девичестве Хромовой. Родители Анны рано умерли (кажется, от тифа), и она, как и дед, маленькой девочкой осталась

(благородных девиц), где Анна была воспитанницей, а дед — врачом-консультантом. Бабушка была тогда юной и очень тоненькой девочкой с большими черными глазами, а дед — красавец военный доктор, семейный положительный человек. Анна сразу и навсегда полюбила его.

Спустя годы, уже после кончины Варвары Болеславовны, дед с бабушкой снова встретились. В 1905 году, через шесть лет после окончания бабушкой института, они обвенчались в церкви станции Мысская Забайкальской железной дороги. Бабушка была моложе деда на 11 лет. Они очень любили друг

сиротой. Опекуном ее стал брат матери Нил Арсентьевич Хромов. Воспитывала же девочку бабушка, мать матери и дяди, Мариамна Ивановна Хромова. Хромовы имели в Канске торговое дело и, по имеющимся документам, являлись потомственными почетными гражданами города Канска. Когда Анне настала пора учиться, ее отправили в Иркутск и определили воспитанницей института благородных девиц, который она окончила в 1899 году, проучившись еще дополнительно в пепиньевском классе, дававшем право выпускнице стать домашней наставницей.

Во втором браке у Бессоновых было четверо детей: два сына и две дочери. Когда Анна Викторовна вышла замуж, она с любовью приняла троих детей мужа и воспитывала их как своих. И дети ее очень любили, особенно младший Юша, как его называли по-домашнему, не зная родной матери. Он звал ее всю жизнь мамочкой. Дети поддерживали родственные отношения и с Шостаковичами.

Вторая семья Бессоновых жила в Иркутске на улице Арсенальской, в доме № 70 Левинсона (ныне ул. Дзержинского). Они занимали дом с мезонином и небольшим садом. В доме были денщик, кухарка, горничная, няня. Детей учили музыке, верховой езде. Держали лошадей, породистых собак. Часто принимали гостей на званые обеды, для приготовления которых приглашался специальный повар из лучшего ресторана. Сейчас дом снесен, сад уничтожен. На том месте стоит одно из первых в Иркутске благоустроенных зданий.

Дети Николая Николаевича и Анны Викторовны Бессоновых (слева направо): Анна, Сергей, Владимир, Наталья. Иркутск, 1910-е гг.

Позже, в советское время, семья переехала в менее дорогую квартиру на той же улице, в доме № 37 (бывшая усадьба Бромзона). Здесь родилась и жила и я. Семья занимала весь первый этаж деревянного, с резными украшениями и ставнями дома, с парадным и черным ходом. Квартира состояла из шести комнат, большой кухни с русской печью, глубоким подпольем, несколькими кладовыми. Одну из комнат занимал кабинет деда, где он вел прием больных. Там стояли кожаный диван с высокой спинкой и большой письменный стол с черным деревянным круглым креслом перед ним. На стене висел украшенный завитками шкафчик с лекарствами. Я и сейчас помню запах этого кабинета — смесь лекарств и какого-то особого аромата, исходившего от деда. Он курил дорогой табак, который набивался в гильзы из тонкой папиресной бумаги специальной палочкой. Этот дом на улице Дзержинского в квартале между улицами Декабристов и Бабушкина стоит и сейчас.

Бабушка вырастила и воспитала не только своих детей и детей мужа, но и нас, троих внуков. Всему в себе я в огромной степени обязана бабушке. Она была прекрасным воспитателем — дар от природы. Отношения к детям в нашей семье были уважительные, как к равным. Я не помню, чтобы на нас кричали, как-то наказывали. Каждый наш проступок заканчивался душеспасительной беседой на бабушкиных коленях. Я и сейчас

**Дом № 37 по ул. Дзержинского, в котором жила семья
Н.Н. и А.В. Бессоновых. Иркутск, 2005 г.**

вспоминаю одну из таких бесед, когда мне, 11- или 12-летней девочке, бабушка говорила: «Знаешь, Тусенька, завоевать уважение людей очень трудно, нужны годы, а может и вся жизнь, а потерять его можно мгновенно, одним поступком». Я не помню, по поводу какого моего проступка велся этот разговор, может и не очень серьезного, но я запомнила его на всю жизнь. Бабушка много читала нам вслух. Особенно помню книжки: «Леди Джейн, или Голубая цапля», «Принц и нищий», «Хижина дяди Тома». Бабушка очень непосредственно и эмоционально переживала все описываемые события, плакала вместе с нами в грустных или трогательных местах, громко «трубя» от смущения в носовой платок. Она своим тихим голоском, но очень правильно пропела нам в детстве все знаменитые арии, дуэты и даже хоры из опер. Бабушка научила меня шить и вышивать. Она была прекрасной рассказчицей. Особенно помню зимние вечера в холодное военное время, когда мы любили сидеть в темноте перед открытой дверцей топящейся печки. Мы, дети, просили бабушку: расскажи нам про старину (бабушкина юность казалась нам стариной). И она рассказывала нам про эту прекрасную, как нам представлялось, «старину» с обычаями и нравами восторженных институток, с их увлечениями стихами и альбомами, с их обязательным «обожанием» кого-то, с балами, нарядами, кавалерами; о строгости директрисы баронессы Котц и воспитателей, добивавшихся от девиц благонравия и умения заниматься домашним трудом.

Я люблю роман Гончарова «Обрыв», и именно потому, что бабушка у Гончарова очень похожа на мою собственную бабушку. Та же детская светлость, радостное восприятие жизни, вера, что нужно жить подобру, трогательная наивность и в то же время умение стать стойкой и непреклонной в нужное время, умение переносить трудности и горе, те же постоянное уважение и даже почтение к ней окружающих. В войну, в голодные холодные годы, когда у моей мамы была карточка служащей и четверо «иждивенцев» на попечении, бабушка спасала нас всех. Я помню ее зимой в грязно-белом солдатском тулупе, в галошах, надетых прямо на толстые самовязаные носки, всегда бегущую по каким-то делам, чтобы накормить нас: что-то продать из оставшихся вещей, заложить в ломбард, выстоять в очередях. А весной она могла встать с рассветом, чтобы сбегать к каменоломням, нарвать на продажу лесных цветов и вернуться ко времени отправления нас в школу.

Бабушка Анна Викторовна была стержнем семьи Бессоновых, ее духовной основой. Она умерла в 1958 году, когда я училась на четвертом курсе университета. Она пережила деда на 17 лет.

**Юрий Николаевич Бессонов. Берлин,
1945 г.**

Похоронили ее рядом с дедом в одной оградке.

Дети Н.Н. Бессонова.

Дочь от первого брака, Лялечка (не знаю ее полного имени, ее так всегда называли в семье) умерла девочкой 13 лет, от тифа.

Старший сын от первого брака Николай окончил Иркутскую артиллерийскую школу, стал военным. В Гражданскую войну оказался на стороне белых. Был ли это сознательный выбор, или просто так сложились обстоятельства, я не знаю. Николай погиб в бою с красными. У бабушки в тайничке

сохранился листок от письма товарища Николая, воевавшего вместе с ним, где тот пишет, как два снаряда упали и разорвались прямо около их орудия. Этим взрывом был убит Коля. Ему было 20 с небольшим лет. Но сохранились только его детские фотографии. Очевидно, все его юношеские фотографии из предосторожности были уничтожены.

Младший сын Варвары Болеславовны и Николая Николаевича Юрий Николаевич Бессонов родился в 1900 году в Иркутске. Окончил гимназию и рассчитывал пойти по юридической линии, стать адвокатом. Но жизнь распорядилась по-своему. Началась Гражданская война, и младший сын доктора Бессонова добровольцем пошел в Красную Армию. Служил в артиллерии, как и старший брат, но по другую сторону линии фронта. Был участником боев под Читой, Кукоей, Волочаевкой, Спасском, Халхин-Голом. Под Читой командовал батареей. Он был одним из первых красных командиров в Сибири, награжденных орденом Красного Знамени. После Гражданской войны Юрий Бессонов служил в рядах Красной Армии командиром дивизии (3-й артиллерийский дивизион в Томске). В 1929 году он уволился в запас по болезни сердца, уехал в Москву и работал в Народном комиссариате торговли экономистом. В Москве Юрий Николаевич начал заниматься литературой. В 1929 году вышел его первый

рассказ, в 1933 году — первый роман «Контора в новом городе». Это были в основном впечатления участника Гражданской войны. В 1934 году во время работы 1-го съезда советских писателей Юрий Бессонов был принят в Союз писателей. С этого времени он занимался только литературой. Вскоре после писательского съезда его пригласили работать в только что организованную по инициативе Горького редакцию «История фабрик и заводов». Ю. Бессонов уехал на Урал, где перевернул огромное количество архивного материала, особенно по истории Верх-Исетского завода. На основе этих материалов были написаны и опубликованы очерки, рассказы и повести. Эта же работа привела и к печальным последствиям — за очерк об одном из директоров заводов (а этот человек был объявлен «врагом народа») Юрий Николаевич был в 1937 году арестован. К счастью, его не постигла участь большинства репрессированных, вскоре он был освобожден.

Когда началась Отечественная война, мой дядя добровольно пошел на фронт. Он прошел всю войну до Берлина. Был начальником разведки артиллерии дивизии, затем начальником штаба артиллерии дивизии и в конце войны старшим помощником начальника оперативного отделения артиллерии штаба армии. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, орденами и медалями Чехословакии. После демобилизации он задумал написать трилогию о Советской армии. Но, к сожалению, здоровье позволило ему закончить только первую книгу трилогии, роман «Восстание». Это исторический роман о Гражданской войне в Сибири и на Урале. Роман интересен тем, что он полно отражает революционные события и Гражданскую войну в нашем городе. Узнаваемы места и действительно существовавшие люди Иркутска. Роман был опубликован Военным издательством в 1955 году, переиздавался несколько раз. Заканчивал свой роман Юрий Николаевич уже тяжело больным, часто лежа в постели.

**Анна Николаевна Бессонова.
Москва, 1933 г.**

Он скончался в 1958 году, похоронен в Москве. Весь его личный архив по завещанию его жены, Галины Михайловны Бессоновой, я передала в Государственный архив Иркутской области.

Теперь о детях Николая Николаевича и Анны Викторовны Бессоновых. Первый их ребенок — старшая дочь Анна, она всегда носила фамилию Бессонова, хотя дважды была замужем. Анна Николаевна родилась в 1907 году в Иркутске. Получила высшее образование, окончив хозяйственно-правовой факультет Иркутского университета. Она вышла замуж за молодого красавца, сына иркутского профессора В.С. Левита и уехала с ним в Москву. Пробовала писать стихи, увлекалась посещением литкружков, встречалась с известными в 1930-е годы в Москве поэтами. Но профессиональным поэтом она не стала, хотя, как и дед, всю жизнь «пописывала». С Левитом она разошлась и со вторым своим мужем Федором Арнольдовым уехала на Игарку, где он работал в Севморпути. В 1938 году муж был репрессирован. Чтобы спасти жену, он уговорил ее оформить развод, и они были разведены. Анна вернулась в Иркутск к родителям. Работала экономистом на заводе имени Куйбышева, там она увлеклась лекторской работой. Будучи членом ВКП(б), являлась членом лекторской группы обкома. Во время войны Анна Николаевна была направлена на партийную работу в село Харик Иркутского района. После войны партия направила ее на работу на осваиваемый в то время Сахалин. Долгие годы она прожила там, сначала в городе Холмске, а потом в Охе. Была заведующей партийным кабинетом в ГК КПСС, членом городской лекторской группы.

Когда началась реабилитация репрессированных, моя тетя очень ждала возвращения мужа. Так как она жила на Сахалине, а муж знал только ее иркутский адрес, тетя написала для него письмо и оставила его своей маме на всякий случай. Бабушка долго хранила это письмо в своем тайничке, который, кстати, никогда не запирался. И вот я однажды тихонько достала и прочла это письмо. Моя тетя писала, что всегда любила и любит своего мужа, что не может простить себе согласия на развод, что очень ждет и надеется. Это письмо пронзило меня. Я, тогда школьница, может быть, впервые по-настоящему задумалась о жизни. Муж Анны Николаевны так и не вернулся, очевидно, сгинув где-то в лагерях, а может, и был расстрелян.

Последние годы Анна Николаевна прожила в Иркутске в нашей семье. Своих детей у нее не было. Она преподавала философию в институте иностранных языков. Но любимым ее детищем в ИНЯЗе был факультатив по современной иностранной литературе. Она много читала и знала, умела хорошо говорить, точно излагать мысли и с уважением выслушивать собеседника.

И ее факультатив был популярен у студентов.

Умерла Анна Николаевна в 1971 году, похоронена на Радищевском кладбище.

Сергей Николаевич Бессонов — старший сын Анны Викторовны и Николая Николаевича. Родился 31 мая 1908 года в Иркутске. Окончил иркутский техникум изобразительных искусств. В 1931 году Сергей приехал в Москву с желанием получить высшее художественное образование. Но в высшее учебное заведение не попал. Как он сам мне рассказывал, предпочтение тогда при приеме отдавали детям рабочих и крестьян, а он был выходцем из «гнилой интеллигенции» (было тогда широко распространено такое выражение). Но Сергей Николаевич все же стал профессиональным художником. Зарабатывая на жизнь художником-оформителем, он одновременно писал картины. Уже с 1938 года его работы стали участвовать в выставках в Москве.

В первые же дни Великой Отечественной войны Сергей Николаевич, хотя по болезни сердца был освобожден от военной службы, добился призыва и с июня 1941 по май 1945 года (Берлин) был на фронте. Имел ордена и медали. После войны Сергей Николаевич серьезно занялся художеством. В 1946 году был принят в члены Московского отделения Союза советских художников. Работал в области живописи, графики, любил работать акварелью. Первые картины были связаны с воспоминаниями о войне. Потом Сергей Николаевич отдавал предпочтение изображению природы. Писал ее лирически вдохновенно: Подмосковье, средняя полоса России. Много писал Ангару, Байкал, часто приезжая сюда.

Работы С.Н. Бессонова находятся во многих музеях Москвы, в том числе в Третьяковской галерее, музее-панораме «Бородинская битва», во многих городах России и за рубежом. Нет только, к сожалению, его работ в Иркутском

**Сергей Николаевич Бессонов.
Москва, 1941 г.**

художественном музее. С.Н. Бессонов был участником многих художественных выставок в нашей стране и за рубежом. Последняя, посмертная, его выставка с большими усилиями и любовью была организована его вдовой Валентиной Сергеевной Бессоновой в 1987 году в Москве.

У этого человека была душа художника — нежная, чувствительная к прекрасному, ранимая. Он писал стихи, играл на пианино, хорошо пел. Был женат на женщине с артистичной внешностью и душой. Она окончила Щукинское училище, но актрисой не стала, проработав почти всю жизнь чертежницей. Правда, в последние десять лет жизни Валентина Сергеевна все же вернулась к театру, но не актрисой. Она была бутафором в Малом театре. Их обоих уже нет в живых. Сергей Николаевич скончался в 1975 году, кремирован и захоронен в могилу своего брата Юрия.

Наталья Николаевна Бессонова — младшая дочь Н.Н. Бессонова, моя мама. Родилась 15 ноября 1909 года в Иркутске. Окончила девятилетку имени Крупской и поступила, как и старшая сестра, на хозяйственно-правовой факультет Иркутского госуниверситета. Факультет был реорганизован в институт снабжения, который она окончила в 1932 году, получив специальность экономиста-плановика по товарообороту. Моя мама всю жизнь проработала экономистом, при этом все время была связана с заготовками в сельском хозяйстве. Она работала в «Уполномоченном Министерства заготовок», в областном управлении сельского хозяйства. В областном управлении хлебопродуктов мама работала начальником отдела до самой кончины, до 60 лет, так и не уйдя на пенсию. С 1941 года была членом партии. Дважды была замужем, фамилию свою не меняла. С первым мужем, Иваном Березовским, отцом моего старшего брата Владимира, мама разошлась, когда сыну не было и полутора лет. Второй муж Натальи Николаевны, Николай Николаевич Михайлов, — отец мой и моей младшей сестры. До войны он работал начальником административного отдела в управлении строительством моста через Ангару. Был активным комсомольцем, убежденным коммунистом. Во время войны отец имел звание «политрук». Был комиссаром специально подготовленного в тылу и заброшенного через линию фронта в Украину партизанского отряда. Погиб на войне. Мама умерла в ноябре 1969 года. Похоронена на Радищевском кладбище.

Владимир Николаевич Бессонов — младший сын Николая Николаевича и Анны Викторовны Бессоновых. Родился в 1911 году в Иркутске. Окончил школу, за-

тем Иркутский горный институт, где учился вместе со своей будущей женой, иркутянкой Тамарой Петровной Кулаго. Они вместе уехали работать на Балхаш, на горно-обогатительный комбинат. Владимир Николаевич прошел всю Отечественную войну, вернулся работать на старое место. После войны у него родился сын Юрий. Еще на фронте Владимир Николаевич пристрастился к спиртному. По этой причине он уехал из семьи на Джезказганский рудник, там трагически погиб в шахте. Его сын с матерью переехали в Москву, так как она вышла замуж за тогдашнего министра геологии.

*Владимир Николаевич Бессонов
с женой Тамарой Петровной Кулаго,
1936 г.*

Внуки, правнуки и праправнуки Бессонова Николая Николаевича. Именно моей маме Наталье Николаевне выпала судьба произвести на свет троих из четырех внуков доктора Бессонова (Владимир, Наталья, Ирина). Четвертый внук — сын его младшего сына Владимира Николаевича.

Мы росли в трудные годы войны. Знали и потерю отца, и все невзгоды военного времени — холод, голод, вшей, болезни. Мама чуть не умерла от истощения. Ее спас наш сосед по двору доктор В.А. Филениус, положив в военный госпиталь. Я перенесла в детстве туберкулез легких. Моя младшая сестра, только родившись, заболела воспалением легких, ее чудом спасли врачи и мамина отчаянная борьба. Сестра родилась, когда отец уже ушел на фронт, никогда не видела его, отец же только знал, что у него появилась вторая дочь. Но я, несмотря ни на что, вспоминаю свое детство как счастливые годы. Самое главное — старшие нас любили, о нас заботились как только могли, воспитывали нашу душу. Это были наши родные и близкие, наши няни в детском саду и учителя в школе, пионерские вожатые, дружные соседи

по нашему двору. Я всех их хорошо помню и всегда думаю о них с большой благодарностью. Мы знали и радости праздников и дней рождения, подарков, общения с друзьями, занятия в кружках и художественной самодеятельностью, отдых в пионерских лагерях. Все мы были пионерами и комсомольцами.

Мой брат, Владимир Иванович Бессонов (после развода мама дала ему свою фамилию), 1931 года рождения. Окончил с серебряной медалью среднюю школу № 9 в Иркутске, затем только что открывшийся в Горном институте факультет геофизики. Как отличный студент был направлен на работу в ГДР. После возвращения работал геофизиком в Ташкенте, потом переехал в Украину в Кировоград, где работал главным геофизиком номерного предприятия. Он и его жена, Владилена Михайловна Бессонова (Мясникова), тоже окончившая Иркутский горный институт, всю жизнь были связаны с разработками урановых месторождений. Сейчас они оба пенсионеры. Живут теперь в ближнем зарубежье, в Украине, городе Кировограде.

У них двое детей: дочь Елена Владимировна Бессонова и сын Владимир Владимирович Бессонов. Елена родилась в ГДР в 1958

Николай Николаевич Михайлов с женой Натальей Николаевной Бессоновой и детьми Владимиром и Наталией. Иркутск, 1937 г.

году, окончила школу в Кировограде, затем уехала в Москву, окончила 1-й Московский медицинский институт, работает фармакологом. У нее есть дочь Екатерина Коба, 13 лет, которая сейчас живет у бабушки с дедушкой в Украине.

Владимир родился в Улан-Удэ в 1963 году, в школе учился в Кировограде. Как и сестра, уехал в Москву, окончил Московский институт тонкой химической технологии имени Ломоносова. Работает заведующим лабораторией Института питания при Российской академии медицинских наук. Кандидат медицинских наук, оканчивает работу над докторской диссертацией. У него двое детей: сын Антон Владимирович Бессонов — студент 4-го курса Московского института полиграфии, и дочь Анна Владимировна Бессонова — ученица 11-го класса московской школы.

Я — Наталья Николаевна Михайлова — средняя дочь Натальи Николаевны Бессоновой. Родилась в Иркутске в 1936 году. Училась в 40-й начальной школе, окончила среднюю школу № 13 с золотой медалью, затем — физико-математический факультет Иркутского госуниверситета по специальности «рентгенофизик». С 1959 по 1994 год проработала в ИркутскНИИхиммаше, долгие годы — в лаборатории физических методов исследований. На пенсию ушла с должности заместителя заведующего отделом. Была членом КПСС, неоднократно избиралась секретарем парторганизации института (организация насчитывала тогда до 120 человек). Муж, Владимир Анатольевич Ширяев, приехал в Иркутск с Вятки, окончил Иркутский госуниверситет, работал также в ИркутскНИИхиммаше, последнее время главным механиком, умер в 1991 году. Детей у нас нет.

Моя младшая сестра — Ирина Николаевна Фирсова (Михайлова). После окончания иркутской средней школы № 65 пошла работать на станкостроительный завод. Почти пять лет проработала шлифовщицей. В 1964 году по путевке завода была направлена на учебу в Иркутский политехнический институт. Окончила машиностроительный факультет по специальности «технология машиностроения». Трудилась инженером в Гипрохлоре. Выйдя замуж за Виктора Ивановича Фирсова,

**Владимир Иванович
Бессонов. Карл-Маркс-
Штадт (ГДР), 1955 г.**

который по окончании Иркутского политехнического института работал в объединении «Сосновгеология» (а познакомились они в студенческом стройотряде на БАМе), вместе с ним и родившейся дочкой Ларисой уехала на работу в Монголию. Там они прожили пять лет. По возвращении Ирина работала в ИркутскНИИхиммаше в отделе стандартизации. Сейчас она на пенсии, нашла призвание в разведении садовых цветов. Муж — заместитель генерального директора объединения «Сосновгеология».

Их дочь — Лариса Викторовна Фирсова, 1967 года рождения, окончила иркутскую среднюю школу № 62. Когда встал вопрос о выборе ее профессии, мы с сестрой посоветовали ей пойти по стопам ее прадеда и стать медиком. Лариса окончила педиатрический факультет Иркутского медицинского института. Сейчас работает врачом-онкогематологом в областной детской клинической больнице. Свою трудную работу с тяжелобольными детишками очень любит. У Ларисы есть сын — Данила Андреевич Фирсов, ученик 6-го класса иркутского колледжа № 36. Это мой любимый внучатый племянник, которому я посвящаю и хочу оставить результаты всей своей работы по родословной.

Младший сын доктора Бессонова, Владимир Николаевич, продолжил род, произведя на свет сына Юрия Владимира Бессонова. Юрий родился на Балхаше после войны. Школу он окончил в Москве. С детства мечтал стать военным, окончил в

*Ирина Николаевна Фирсова с дочерью Ларисой.
Иркутск, 1969 г.*

Москве военную академию. Был полковником Генерального штаба в Москве. Умер в 2000 году. У него тоже есть сын — Дмитрий Юрьевич Бессонов, который, как и отец, был военным, но ушел из армии, сейчас живет в Москве, работает на частном предприятии по озеленению города. О его детях мне неизвестно.

Ныне под фамилией Бессоновых здравствуют внуки и правнуки доктора Бессонова:

- внуk Владимир Иванович,
- правнук Дмитрий Юрьевич,
- правнук Владимир Владимирович,
- правнучка Елена Владимировна,
- праправнук Антон Владимирович,
- праправнучка Анна Владимировна.

Тroe правнуков доктора Бессонова продолжили его медицинскую стезю: кандидат медицинских наук в Москве Владимир Бессонов, фармацевт в Москве Елена Бессонова и детский врач в Иркутске Лариса Фирсова.

История семейства Бессоновых хорошо отражает сложную, порой трагическую историю нашей страны, с революцией, войнами, репрессиями, мирным трудом, «перестройкой». Члены семейства принимали самое непосредственное участие во всей жизни страны, будучи военными, врачами, инженерами, геологами, изображали эту жизнь в литературе и живописи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Личный архив Н.Н. Михайловой.

Бессонов Н. Русско-японский поход (шутка) // Земля Иркутская. — 2004. — № 2 (25).

Большая советская энциклопедия. — Изд. 3-е. — М., 1974.
— Т. 15.

Весь Иркутск с отделом Забайкальской области, адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 год.
— Иркутск, 1908.

Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост. Ю.П. Колмаков.
— Иркутск, 2003.

Козлов И. Ф. Матисен и А. Колчак: переплетение судеб //
Земля Иркутская. — 2004. — № 2 (25).

Н.Н. Бессонов // Восточно-Сибирская правда. — 1935.
— 27 марта.

Памятная книжка Иркутской губернии. 1912 г. — Иркутск,
1912.

Снытко Н. Остафьево // Наше наследие. — 1988. — № 6.

РОДОВА ОЧЕРК

Анатолий Григорьевич Байбородин,
писатель, г. Иркутск

Словно царственный листвень, подточенный родными и чужеземными кротами и короедами, со вселенским гулом рухнула великоледержавная рабочекрестьянская власть, и в русской образованщине взыграла белая монархическая кровь; ошалело кинулись

сыны рабочих и колхозников окапывать свои родовые и сословные деревья, жадно нашаривая в толще веков княжеские корни. Отгородились крестьянскими и прямо из коровьих стаек, с избяных завалинок и прелых сеновалов полезли в белоперчатное барское сословие, да еще и пригрозились: вожжи в руки возьмем, пороть будем вас, мужиков, налево и направо. Знай, сверчок, свой шесток... Вот и я, выходец из забайкальских скотоводов и скотогонов, чем и горжусь, смеха ради потряс свое фамильное дерево.

Взвихив библиотечную пыль до потолка, в словаре по ономастике академика Веселовского вызнал-таки, откуда есть пошла и что значит моя фамилия — БАЙБОРОДИН: «Байборода. Байбородины: Авсентий Байборода — 1406 г. Псков. Борис Байбородин, крестьянин, — 1624 г. Нижний Новгород. Байборить — болтать, пустословить. Байбара — болтун, пустомеля (В. Даль). Байбара — шаль, бесценок, дешевизна. Купить за байбору».

Нешибко мне глянулось: у приятелей в древе графья да князья, а у меня в поминальнике охальные мужики, да к тому же пустомели бесценные. Стал я дальше рыться. И нашел... Мой забайкальский земляк из староверов-семейских, новосибирский ученый-этнограф, доктор исторических наук Фирс Федосович Болонев прислал архивную выписку: «Город ли Ки迪ш, что во дни стародавние от „погани рати“ спасен был Ильей Муромцем, славный ли город Покидыш, куда ездил богатый Суровец-Суздалец гостить-пировать у ласкового князя Михаила Ефиментьевича, не отсюда ли ветлужский князь Никита Байбородин чинил набеги на земли московские, пробираясь лесами до Соли Галицкой...»

Ого!.. Выяснил, что князь Никита Байборо-дин — князь не былинный, и записи о нем были в 1350–1373 годах. Почитал о варначальных набегах моего предка, смущился, но и тут же почувствовал себя князем, ибо, как река вытекает из таежной бочажины, так и в истоке фамилии един род, пустивший бесчисленные, потерявшие родство ветви. Словом, князь... Тут моя корявая деревенская обличка вдруг обрела дворянскую стать и важность, оставалось лишь завести бухарский халат, трубку с длинным чубуком, куфельного мужика, который бы выколачивал из нее пепел, дуэльные пистолеты, а к пистолетам даму сердца — бледную графиню, чтобы стреляться с ее старым графом...

А тут еще нежданно-негаданно в архивных бумагах появляется и другой мой родич — тоже Никита Байбордин, но уже боярский сын, воевода Иркутский. В архивах XVII–XVIII веков — «Списки Селенгинской и Нерчинской комиссий» — хранятся прошения и челобитные тунгусских князей Гантимуровых, перешедших в русское подданство при царе Федоре Иоанновиче. Одна из челобитных как раз и обращена к иркутскому воеводе, сыну боярскому Никите Байбордину, чтобы его, Алексея Гантимурова, вместо умершего отца Лариона оставили в том ранге, в коем был отец. Тунгусский князь просит: «приверстать ево по Нерчинску в дворяне и привесть ево Гантимурова к присяге и учинить бы ему оклад денег 40 рублей, хлеба 40 четвертей, овса тоже, вина 20 ведер». Боярским сыном Никитой Байбординым «1728 г. марта 12 дня сын Гантимуров к присяге приведен в Иркутске и подушная запись взята».

На боярских радостях прикинулся я хвост к носу: а не заглянуть

Григорий Григорьевич Байбордин (справа), 1941 г.

ли к губернатору либо к его высокопреосвященству испить кофея... чай, не серая кость, сын боярский, потомок воеводы Иркутского... не испросить ли согласно благородному роду хлеба, овса и дюжину ведер вина, а перво-наперво портфель кожаный, на крайний случай, парусиновый, а к портфелю жалованье...

Впрочем, все это говорено смеха ради, поскольку нету бумаг, где бы черным по белому, с гербовой печатью было начертано, что князь Никита и боярский сын Никита Байгородин мои пра-пра-пра-пра... а без бумажки ты букашка, а уж тем паче не князь. Паши и перепахивай архивные залежи, а все одно: отеческая и материнская родова моя, к скорби, изведенная лишь до дедова колена, — воспетые мною в повестях и бывальщинах забайкальские мужики и бабы, коих ни за какие пироги и пышки не променяю на бояр и князей. Мой умудренный деревенский родич так бы молвил: «Оно и слава Богу, что не угодили в родову графья да князь: дворяны — смутьяны...»

* * *

Дед мой, Григорий Алексеевич Байгородин, коего я не застал вживе, слыл богатым скотоводом в Еравнинском русско-бурятском аймаке, что на северо-востоке Забайкалья; там посреди тайги и степей плескалось около 300 окуневых, щучьих озер, шумели на стремнинах две могучие реки Витим и Уда.

В 1647 году казачий десятник Колька Москвитин с сотником Ивашкой Ортеньевым и служивым человеком Ивашкой Самойловым пришли в дикие Еравнинские земли. Послал государь Кольку Москвитина «из Байкала озера, из Ангарского острожку по Баргузину реке и на Еравны озеро проведывать серебряной руды и где серебро родица». Так попали матерые и рисковые казаки в Еравну — край голубых озер, край тайги и степей, где через сотню лет сели на житье и Байгородины, пашенные люди, облюбовав себе берег озера Икер, обозвав его на свой лад Укыром. Казачий сотник Колька Иванов Москвитин, зело гораздый грамоте, писал безрадостно: «А по Еравне людей никаких, потому что кругом его пролегли места худые и топкие и мелких озер много». И все же через 28 лет на одном из бесчисленных еравнинских озер — Икерском — был заложен русский острог, там и осел мой прапрадед Байгородин; и вырос тут острог, где «меж лесом и озерами на крепком месте можно около острога сыскать пашенные места... И во время свое будет тот острог великий, потому что место, где можно жить многим людям». Пролетело еще несколько лет и

зим, и на землях острожных вырос станок — притрактовое село Укыр, где и заложили каменную Спасскую церковь.

Искони жили Байбородины в уездном селе Укыр, где жаром горели в закатном солнышке купола и маковки белокаменной церкви во Имя Спаса, самой благолепной на многие сотни верст по старомосковскому тракту, пробитому сквозь тайгу и степи от Верхнеудинска до Читы. Мне порой виделось, как церковь призрачно мерцала, ласково слепленная из синеватого вечернего марева, в изножье своем бережно укутанная миражным выдохом сморенной за день земли, отходящей к летнему сну; оживала церковь, в кружевном убранстве похожая на раскидистую березу в серебристо-синей изморози, с крестами, облитыми багрецовым зоревым светом. И слышалось мне, будто из поднебесья, как негасимо плыл над озером, над березовыми гравами, над приболоченными полями и Дархитуйским хребтом протяжный, с переливами, влекущий, синеватый колокольный звон.

В первой половине XIX века родовые мои еравнинские земли и село Укыр запечатлел в акварельном этюде и бегло описал декабрьский смутьян Николай Бестужев на переходе из Читы в Петровский Завод: «День выдался прохладный... Шли по берегу большого Яравнинского озера. Прошли десять верст. Собирали на берегу сердолики. Не доходя до села, прошли

*Григорий Григорьевич и Софья Лазаревна Байбородины,
1970-е гг.*

небольшой березовый лес и вышли из него, открылось круглое небольшое Укырское озеро, при котором и село с каменной <...> церковью».

Прошли века, и на заре XX столетья грянуло величайшее лихолетье... Строили мужики церковь в уездном селе Укыр не один год, а порушили большевики-безбожники махом: ломать не строить; и спустя долгие годы жалко мне родову и старых земляков, коим негде было отвести душу от тоски и теми, наладить на любовь и земное терпение, потому что вместе с уездной разорили церкви и в волостном селе Погромна, и в селе Сосново-Озерск.

Без храма Укыр заголился стемневшим, изморщенным телом... Избы в приозерной степи рубили хоть и осанистые, из кондового лиственника, но прижатые к земле, смахивающие на бурятские юрты, и сроду не заводили березовых, черемушных палисадов. А когда после Второй мировой в Сосново-Озерске, что верст на десять обогнуло Сосновское озеро, расторопные хозяева наперегонки рубили большеглазые хоромины, истосковавшись после кровавой бойни, после сырых и вшивых землянок по мирному делу и вольному жилью, то все одно с резными наличниками, карнизами, причелинами и полотенцамишибко не мудрили, даже охлупня с коньком солноликим и того не возносили на крыши — затейливые древодельцы одряхлели, а у колхозных мужиков руки что крюки, росли бог весть откуда; вот и пало с корявых дланей древесное рукомесло. Опять, смешно и горько гляделся бы матерый, лиственничный охлупень на хрусткой, скучно-серой шиферной крыше; да и век такой накатил — не до красы, все бегом, на спех... курам на посмех.

Спрямили Московский тракт через Дархитуйский хребет прямо на аймачное село Сосново-Озерск, где я родился, и наш родовой Укыр, без храма ставший деревней, быстро зачах, к тому же... пришла беда — отворяй ворота... заглохло, заболотилось и Укырское озеро, обезрыбилось, годное лишь для утиной охоты. Сосновоозерские острословы, намекая на утиное болото, дразнили деревню: дескать, портовый город Укыр. Для моих укырских родичей все вышло, как в песенном рубцовском стихе:

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Милая моя родина,
Я ничего не забыл.

* * *

Отец наш, Григорий Григорьевич, сколь помню из малолетства, так говоривал про своего тятю, моего деда Гришу:

— Богато жил... но сроду чужого не брал и нас порол как сидоровых коз, ежли у нас чо к рукам прилипнет. Боже сохрани на чужое позариться. Все своим горбом добыл. Сам как конь ворочал и нам, ребятишкам, присесть не давал. Зато и жили крепко... Тята и батраков не нанимал — своих чад семнадцать. Уда́льые все росли, работящие, не то что ноне. Всяк от мала до велика знал свое дело: в летнюю пору кто картошку окучивал — сажали ее пропасть, кто рыбу удил, кто сено косил, другие — коров пасли, а самые малые за гусями приглядывали... И за какие такие грехи в кулаки попал?! Не кулаки они были, а дураки. У моего тяти, Царство ему Небесное, стадо коров паслось да косяк лошадей, а всю жизнь проходил в драных портах да сыротятных ичигах. Путних сапог не нашивал. Ранешний богатей чем от нонешнего отличался?.. Тем, что ранешний горбом наживал, а нонешний так и елозит глазом, кого бы объегорить, где бы алтын срубить да мошну набить. Что худо кладено, то им и дадено.

Дед Гриша, которого я вживе не застал, был шибко сердитый, но справедливый. Коль своих парней и девок было не то 17, не то 18, то, помолившись, за стол с невестками да с малыми чадами садились большой артелью. Ели молча, и упаси бог языком болтать либо смеяться. Большие понимали, а для малых у деда Гриши водилась долгая деревянная ложка, коя махом прилетала в лоб. Отцу моему, хоть и хитрый рос, в парнях тоже, бывало, на орехи влетало.

— Лет пятнадцати, — поминал мой отец, Григорий Григорьевич, — тята меня одного в лес отправлял по жерди. Либо с браткой, Царство ему Небесно. Тоже от горшка два вершка... Чуть живые, бывало, аж под потемки домой

Григорий Алексеевич Байбородин с женой Анастасией и невесткой Софьей,
1930-е гг.

ворочались. За стол сядем и на ходу засыпам. Вроде уж ложку поднять не можешь, вот до чего, бывало, ухайдакашься. А нamerзнешься-то за день, как собачонка. К печке прижмешься — и никакого согреву. Раз вот так приехали с браткой, дрова привезли на санях, и тоже до костей прозябли — зуб на зуб не попадат, да на бединушку еще и топор в дороге посеяли. Устали, рук, ног не чуем, да ись охота, как из ружья. Но, маленько отогрелись, почаевали, и велел тятя топор искать. Без топора, говорит, и на порог не пущу... А уж смеркаться зачало... Зло нас разбирает, а чо делать — пошли; тяте слово поперек скажи — тут же бича схлопочешь. Потопали с браткой пешкодралом — коней-то уж выпрягли, да и не дал бы тятька коня, и так заморился... Топаем, а сами чуть не плачем, и тятю всего искорили. А уж темнеет... Но подфартило — встречь Вася Байгородин едет, дрова везет... Он нам братаном доводился... «Куда это, — спрашивавт, — на ночь глядя?» Ну, мы и обсказали, а сами-то уж чуть не ревем ревмя — парнишки же были. Тут он наш топор-то и достает, по дороге подобрал... Сердитый был тятя у нас, чуть что, сразу за бич либо вожжи, но и, слава Богу, никто из родовы воровать да шаромыжничать не пошел, все привадились работать и беречь добро.

Тетя Лена, мамина сестра, Царствие ей Небесное, что

Дети Г.Г. и С.Л. Байгородиных (слева направо): Анна, Валентина, Виктория, Анатолий (автор), 1956 г.

доживала век на станции Яблоновая возле Читы, поминала мне:

— Гриня, отец твой, уже и женился, а чуть, бывало, молвит тяте поперечное слово, тот долго не чикатся, тут же бичом поперек спины ожгет — и весь разговор. Помню, Софья, мать твоя, с брюхом ходила, а Гриня гармонь подмышку да и в клуб увалил. Тятя приходит, глядит: Соня молодуха плачет... Схватил ременный чембур от конской сбруи — и тоже в клуб. А там народу битком, концерт — праздник был, навроде седьмого ноября... Гриня с клубной девкой на сцене в гармонь играл, а та песни распевал. Забрался тятя на сцену да и Гриню-то прилюдно выходил чембуром: дескать, у него баба на сносях, а он тут придуриивает. Вроде речь народу молвил... Гриня молча все стерпел — виноватый, да раньше упаси бог с родителем зубатиться, а уж тем более руку на отца поднять. Вот и жили ладом.

Домочадцы в традиционной русской семье так рассуждали о своем отце: мол, тятя наш сердитый, властный, крепкой рукой к миру и ладу приучает, но за ним как за каменной оградой, не даст тятя пропасть ни с голоду, ни с холоду, ни от праздной дури. Жили при таком отце миром и ладом. Думая о добром ладе, что царил в многодетной семье моего деда Гриши, где воля отца, сурового, но справедливого для детей необсуждаемый закон, полагаю, что по отцовским правилам строилась и российская государственность, ибо народ русский от гибельного демонократического разброда и разора спасал перво-наперво непреложный отцовский культ: в языческой древности — отец Небо, в православии — Отец Небесный и царь-батюшка и даже в советском государстве — отец народов, коим почтился Сталин.

Мне посчастливилось в детстве пожить возле бабушки Настасьи*, супружницы моего деда Гриши, которая дотягивала свой долгий век у вдовой дочери, тетки Нюры. Уже давно дедова родова перекочевала из заchaхшего уездного села Укыр в аймачное село Сосново-Озерск, и старуха жила в избушке на курьих ножках — все, что осталось от былого богачества Григория Байгородина. Уберегся еще тульский самовар с начеканенными царскими медалями, и бабушка Настасья, о ту пору разбухшая водянкой, поила меня, малого, байховым чаем, подбеленным козьим молоком, и потчевала творожными, голубичными шаньгами. А однажды, забежав в

* Увы, дядьев и теток уже нет в живых, а даже мой старший брат Григорий не знает ее отчества, потому что сроду при жизни не величали ее по отчеству, просто — бабушка Настасья.

ограду тети Нюры, я с ужасом уткнулся в большой смоленый крест — померла бабушка Настасья, взрастившая возле своего супового супруга Григория больше дюжины моих дядьев и теток.

* * *

Если байгородинская скотоводческая родова — мужики горячие, азартные, хитромудрые, в делах удачливые, по-хозяйски скуповатые, то род Андриевских, откуда вышла моя матушка, — люди простодушные и добродушные, отчего, по мнению Байгородиных, и жили победнее отцовской родовы.

Мой дед по матери Лазарь Ананьевич Андриевский, в уме и здравии переживший век, был уроженцем семейского (староверческого) красночикского села, что в Читинской области. (В связи с этим в книге этнографа Ф.Ф. Болонева и я был записан в старообрядцы. Хотя и льстит такая запись, но к старообрядцам я себя отнести не решаюсь, ибо крещен в общеправославной церкви, да и родичи мои по отцовскому байгородинскому кореню, не имея никакого отношения к семейским, считались забайкальскими гуранами — значит с примесью бурятских и эвенкийских кровей.) Даже сама фамилия — Андриевские — была широко распространена среди семейства, будучи польского происхождения, потому что семейские во второй половине XVII века «утекли» в польские земли (Стародубье, Ветка), отчего их в Забайкалье величали еще и поляками, польскими переселенцами; а уж потом в царствование Екатерины Великой семейских (семьями) переселили в Сибирь, куда они прихватили вместе с некорыстным скарбом и обретенные на польской земле шляхетские фамилии.

Но, видимо, Лазарь Андриевский откачнулся от чистых и неуклонных старообрядцев в обмирщикники, то есть уже не чурался и не избегал новоправославных церковных обрядов. (А мать моя Софья Лазаревна, в девичестве Андриевская, уроженица того же семейского красночикского села, вышедшая замуж за коренного сибирца, искренно верующая, будучи в Иркутске, уже молилась в здешней церкви.) Но дед Лазарь не был и поганистым, отвергающим напрочь древнее благочестие; не предавал анафеме молельни, где, может быть, по молодости тянул вслед за уставщиком нареченную молитву, знаменитую тем, что «пока строчку нареченного споешь, можно любовну песню спеть», хотя при этом уже и не брезговал никонианскими церквами.

Все же, вероятно, обмирщиканнику нелегко было жить среди истых староверов, о чем свидетельствует запись в «Словаре русских говоров Забайкалья» Лазаря Элиасова: «После Катьки-распутницы, которая нас сюда прогнала через всю матушку-Расею и Сибирь, тут у нас на месте обмирщиканники появились, ну, как бы богоотступники, которые говорили, что только креститься надо двумя пальцами, а все остальное надо делать и молиться так же, как никонианцы. Мы на этих обмирщиканников беду накликали, анафеме предали, стали молиться так, как наши деды и прадеды молились». (В пользу двуперстного крестного знамения, против трехперстного /щепотью/ в Уставе старообрядцев было даже записано: «Иуда брал соль щепотью, поэтому щепотью креститься грех».) Потому-то, может быть, обмирщиканник Лазарь Андриевский со своим многочисленным семейством... у него родилось и выросло больше дюжины детей... укочевал из Красного Чикоя в Укырский уезд, где жила испокон века моя отцовская родова, где мать и вышла замуж за отца, Григория Байгородина. Жили Андриевские попервости в деревеньках Федоровке, Гавриловке, потом уж разбрелась родова по всему Еравнинскому аймаку.

У деда Лазаря и его супруги Веры Лаврентьевны родилось 21 чадо, но многие померли еще маленькими, хотя и выросло...

На реке Уде (слева направо): соседка-бурятка, Григорий Григорьевич Байгородин, Софья Лазаревна, сын Григорий и дочь Виктория, 1956 г.

считаю и со счета сбиваюсь: слышал про Панфила, Павла, Григория и вживе знал (разумеется, кроме матушки моей Софьи Лазаревны) дядю Митю, теток Валю, Катю, Лену. Долгий свой век дед Лазарь доживал у своей дочери Валентины в бывшем волостном селе Погромна, что в 30 верстах от Сосново-Озерска.

Едешь, бывало, старомосковским трактом, скребется ветхий автобусишко с кряхтением и чиханием на высокий холм, по летней поре изжелта-зеленый, и перед глазами нежданно-негаданно, даже оторопь берет, разом вырастают темно-смурные, осадистые погромнические избы, посреди которых извивается узенькая песчаная речушка Погромка. Мои сестренницы и братанники вспоминали, что, мол, старые родичи так говорили про Погромну:

— В старину тут у брода лихие людишки караулили несчастных старателей, бредущих с золотых витимских приисков, и вытряхивали из бедолаг призначененный дорогой песочек, а иной раз и душу попутно. Словом, чинили погромы — оттого и Погромна. Бывали такие лиходеи, что и не приведи Бог, душегубцы ишо те, отыди они в место пусто, в место бесплодно, в место безводно, иде же огонь и жупел и червь неусыпающий.

Тетушка моя Елена Лазаревна Русак (в девичестве Андриевская) так вспоминала про Лазаря Ананьевича:

— Тятка наш, дедко твой Лазарь, любил, чтоб все по справедливости было. Помню, сестра Соня, мамка твоя, купила в Домне у евреев платье с вырезом на шее. Тятя шибко ругался: дескать, будешь, как бусурманка, голым выменем сверкать, мужиков сомущать?! Те-то нехристи могут и нагишом скакать... И не дал поносить. А как начали справных мужиков кулачить и на выселки посыпать, евреи с Домны кинулись все распродавать. Соня с твоим отцом купили у их железную кровать по дешевке. Тяте нашему опять неладно, опять ругается: мол, хошь они и нехристи, да горе у людей, а вы у их кровать задарма выманили... А как тяте за сто перевалило, чудить стал. Бывало, в тайгу по ягоды сбегает, пустой воротится, дак чо утварит: спать наладится, полено в голова, а подушку в ноги. Мол, дурная голова ногам покоя не дала. Так и спит: голова на полене, ноги на подушке... На Троицу либо на Пасху Христову соберутся внуки, сами-то уж в добрых летах, вот и гуляют, в гармонь играют. Деду рюмочку поднесут, вот он потом в ограде и пляшет босиком, пока силком в избу не утащат да спать не уложат.

Дед Лазарь полвека прожил в XIX веке, а полвека и пять лет в XX, и я, родившись в 1950 году, до пяти годов рос подле деда,

подолгу гащивая в Погромне у тети Вали. Запомнил я деда Лазаря сказочным ощущением, осевшим на самом донышке памяти, к этому ощущению приплелись воспоминания родичей, слились, и ныне, продираясь сквозь туманную наволочь века, с тоской и любовью вижу, как дед Лазарь, начисто облысевший, махонький и так усохший, что все диву давались, в чем старикова душа держится, сутулится возле самовара, спиной к окну, и закатное солнце озаряет его тихим сиянием, и дедово лицо с реденькой, изжелта-белой, сухой бородой купается в задумчивом предзакатном свете, тает, и лишь оттопыренные уши по-младенчески нежно розовеют.

И коль дед Лазарь ближе к 100 годам впал в детство, то мы с ним были вроде годков, что старый, то и малый. Бывало, спорили за столом до слез, не поделив картоху, варенную в мундире, которую тетя Валя высыпала из парящей чугунки на некрашеную, но до желтизны высокобленную столешницу. «Один задериха, другой неспустиха, — умиленно посмеиваясь, качала головой тетя Валя. — Что старый, то и малый — одна холера...»

На 80-летии Софьи Лазаревны Байбородиной. Слева направо, нижний ряд: дочь Виктория, сын Григорий, Софья Лазаревна, дочь Валентина, дочь Анна, внучка Маша; верхний ряд: невестка Нина, племянница Вера, сын Александр, племянница Мария, сын Анатолий (автор), невестка Анна, зять Николай, зять Анатолий, 1990 г.

Чтобы угодить деду — старый был капризнее меня, да и не прикрикнешь на него, тетка чистила ему картошку в блюдце со сметаной либо топленым маслом. Мне же, трехлетнему, велит: дескать, сам чисти, не маленький. Дед Лазарь, глядя, как я бодро чищу картошку, начинает капризничать: «Почо, непутная, чистила, когда я сам хотел?...» Видимо, дедовы искреченные узлами вен бурые руки, разогнавшись в вековом труде, страдали без заделья. Другой раз тетя Валя сделает все наоборот — дед снова обижается: «Этого гольяна* жалешь, начистила картоху, а мне, как поросе, нечишшену...»

Около 105 лет дед Лазарь и вовсе выживал из ума, терял земную память и мог средь бела дня кликнуть одного сына, погибшего в Русско-японскую, либо другого, сложившего буйну голову в Первой мировой, а то и третьего, которого унесла Вторая мировая. А нездолго до кончины норовил старик убежать неведомо куда, словно древний пес, который исподтишка уходит с хозяйствского двора, чтобы умереть вдали от людских глаз. Домочадцы присматривали за дедом: как бы не убежал в тайгу да не загинул там. Тетушке моей приходилось догонять старика, уговаривать, потом всякими правдами и неправдами уманивать домой. Бывало, тетка, тоже оstarевшая, на ноги нешибкая, догоняет деда Лазаря, а тот сердится, хватает с дороги сухие коровы шевяки — и в тетку: мол, отвяжись, худая жизнь. Однажды не укараулила...

В двух верстах от Погромны, на пологом степном увале, темнел гурт, где жил и пас овец мой двоюродный брат Степан Андреевский, знатный еравнинский чабан. Рядом с гуртом вековал кряжистый, разлапистый листвень, от которого далеко убрела тайга, оставив его в гордом одиночестве; и вот дед Лазарь, скрывшись от сторожащих глаз, убежал в степь, дивом дивным забрался на листвень и срубил топором все сучья на вершине. Острой пикой на поглядение селу вознеслась лиственничная вершина в степные небеса.

Когда дед Лазарь спустился с лесины, подоспевший на шум Степан Андреевский спросил:

— Ты почо, дед, сучки-то у лиственя срубил, вершину заголил?

— А это, Степан, чтоб деревня видела, помнила меня.

— Да как же тебя, дед, не помнить, ежели у тебя ребят, внуков да правнуков — колхоз наберется?!

И байбородинская, и андриевская родова при хрущевской

* Гольян — мелкая речная рыба.

безбожности от веры напрочь отбилась. Хотя матушка моя и тетки утрами и вечерами молились пред божницей и как могли отмечали Великие Христовы дни. Про посты, исповедь и причастие помнила мать смутно — 40 лет минуло, как тятя мокроносой девчушкой вывез ее в бурятские степи и леса с Красного Чикоя, где гуртились забайкальские староверы-семейские. Шатнувшись от семейства, запамятовав, какого они толка и согласия, родова материна обмирщилась и, крестясь то по-семейски двумя суровыми перстами, то щепотью, прислонилась было к единоверцам — в уездном селе Укыр о ту пору еще тешил боголюбивые души колокольный звон Спасской церкви, — но тут на худобожие русские головы свалились мутные, кровавые антихристовы времена, и фармазоны порушили уездный храм, а заодно и сельские церквушки.

*Валентина Лазаревна
Хандрикова (урожденная
Андреевская), середина
1970-х гг.*

* * *

Прошумела моя юность во времена романтические — «а я еду за туманом и за запахом тайги...», технократические — «вместо сердца пламенный мотор...», и богемные — «говорят, что ты в притонах по ночам играешь танго...», а посему прошлое не только родовы, но и России меня мало волновало: вроде, пылятся на чердаке иконы и самовары, и выбросить жаль, и в дело не годны. И не допытывался я у родителей и родичей про ранешнюю жизнь — «кто живет прошлым, тот не имеет будущего...», а когда спохватился, ан поздно, близенько локоток, да не укусишь. Вот тогда и написал я родичам о любимой тетушке Вале, поскорбел о своем былом беспамятстве:

«Побывал я в родимых селах, в Сосновке и Погромне, сбродил на земетенные снегом степные могилки, где в одной оградке упокоились и дед Лазарь, и сердобольная тетушка Валя. Подле крутых голубоватых суметов, из коих едва и бесприютно выглядывали кресты, помянули мы со Степаном Андриевским, братаником моим, родичей и попрощались: свидимся ли на белом свете?

Тетушка моя Валентина Хандрикова (как и матушка моя, урожденная Андриевская), забайкальская крестьянка, прожившая свой век в молитве, любви и терпении, была столь светла и ласкова, что в день похорон — когда погромнинские старухи отпевали ее, прижимающую иссохшими, свечовыми пальцами семейский древлеотеческий крест, — вдруг посреди стужи и пурги опустилась по милости Божией чисто вешняя оттепель; и белый снег солнечно искрился, певуче поскрипывал под валенками; и от коровьих стаек долетал быгальй дух клеверного сена и молока. И помню, от вольно распахнувшегося засиневшего неба, от теплого солнышка, от играющего снега сладостно, томительно кружилась голова, и хотелось пасть на сугроб и уснуть... Было грустно, но не мрачно на душе, словно и не хоронили поконку, а провожали в счастливый путь к Царствию Небесному. Дай-то Бог всякому так беззлобно и смиленно прожить 92 года, подсобляя близким, так же тихо и безропотно, с молитвой на устах отойти к синим небесам.

Редеет наша родова, на крестьянскую колодку кроеная, крепко сшитая просмоленной дратвой. Редеет и мельчает русский род, точно сосновый бор после шалой вырубки; уходят тихо родичи мои, коими Россия-матушка, хоть и посеченная, поруганная, выстаивала на ветрах, свирепо дующих со всех краев и валяющихся с ног».

Написал я хоть и светлые, но опечаленные слова и подумал: унынье — грех, надо жить, чтобы исполнить земное назначение, ради которого нам Господь и даровал жизнь. Жить, как умели жить наши дедичи — в страхе Божием и во славу Божию.

ЛИТЕРАТУРА

Болонев Ф.Ф. Семейские. — Улан-Удэ, 1985.

Ономастика / Под ред. С.Б. Веселовского. — М., 1969.

Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М., 1980.

ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ МЕДВЕДЕВЫХ

Мария Андреевна Медведева

Предки нашего деда Федора Ермиловича и бабки Авдотьи Зосимовны нам неизвестны. Некоторые цифры позволяют предполагать, что они относятся к поколению первой половины XIX века. По словам бабки, дед умер на 60-м году жизни в 1903 году. Сама она умерла на восьмом десятке лет в 1922 году, пережив деда на 19 лет.

И дед, и бабка были исконные сибиряки.

Всю жизнь прожили в деревне Ухтуй Зиминской волости Балаганского уезда Иркутской губернии.

Ныне деревня Ухтуй стоит на прежнем месте почти в прежнем составе, но уже с новыми поколениями людей. Находится она в четырех–пяти километрах от города Зима, поблизости проходил Московский тракт, а теперь — железная дорога. Основная масса населения в годы жизни наших предков была неграмотная, в том числе и они — наши дед и бабка.

Каждая семья в Ухтую кроме фамилии имела прозвище, например у деда с бабкой прозвище было Кайдановы. По каким признакам оно давалось, никто толком объяснить не мог. На удивление, оно очень живуче. До настоящего времени правнучку, продолжающую жить в дедовском доме, часто называют Кайданихой*. Кстати, дом хорошо сохранился, никуда не покосился, несмотря почти на 200-летний возраст, может быть экспонатом для музея под открытым небом.

О жизни деда и бабки известно то немногое, что сумела рассказать бабка. По ее словам, богатства у них не было, хозяйство их было средней руки, жили они безбедно. Дед был трудолюбив, во всем чрезвычайно аккуратен, особенно в соблюдении времени всех сельскохозяйственных работ. Вовремя готовилась земля для

* По сведению Софьи Дмитриевны Новосельцевой (урожд. Шиверской), дочери В.Ф. Медведевой и Д.Н. Шиверского, первым мужем Авдотьи Изосимовны (Евдокии Зосимовны) был Зиминский поселенец Кайданов. (Здесь и далее примечания публикатора.)

отдыха (пары), для посева, вовремя собирался урожай, вовремя проводился сенокос, словом, все делалось как у заботливого, знающего хозяина, настоящего земледельца. Характером, говорила бабка, он был спокойным, никогда не прибегал в момент раздражения к грубым оскорблением и бытовавшей в Ухте мужицкой «матерщине». Бабка была довольна жизнью и очень жалела, что дед не прожил, по ее мнению, своего века по причине какой-то болезни (умер от рака пищевода. — С. М.). Они вырастили троих сыновей и двух дочерей: Бориса, Андрея, Константина, Степаниду и Варвару.

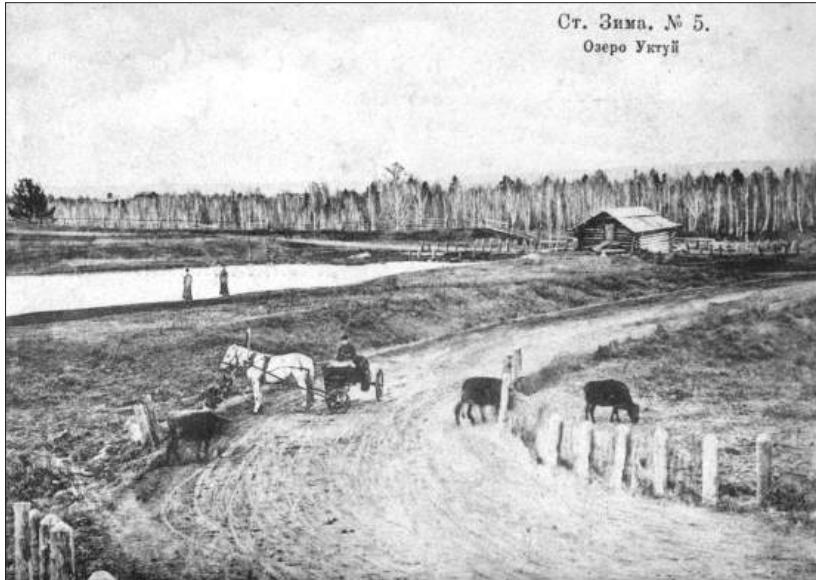
После смерти деда — Федора Ермиловича — все его сыновья имели уже свои семьи, старшая дочь выдана замуж, младшая Варвара была выдана позднее. Так как каждому сыну хотелось жить своей семьей, то под руководством бабки произошел раздел нажитого хозяйства, имущества, оставленного дедом. По старшинству Борису достался дом со всеми хозяйственными надворными постройками. Кроме того, Борис поддерживал хозяйство заработанным рублем — «ямщицой». До постройки железной дороги товары перевозили на лошадях. Так, например, чай из Иркутска в Томск везли по Московскому тракту. Ямщиком старший из сыновей — Борис. Заработанные деньги вносились в семейную «копилку». Эта работа Бориса была учтена при разделе, он полностью получил в наследство отцовскую усадьбу только с отделением от дома «горница» (так называлась часть дома, предназначенная для приема гостей. — С. М.).

Константину достался вновь построенный дом без хозяйственных помещений, а Андрею — одна горница. Так было поделено недвижимое имущество. Соответственно поделены были скот и хозяйственная утварь. Благодаря здравому рассудку бабки, ее доброжелательности к каждому из сыновей раздел произошел мирно, братья навсегда остались братьями. После раздела имущества каждый строил свою жизнь в соответствии со своими требованиями и способностями. Связующим родственным звеном была бабушка, которую все называли Изосимовной.

Это была трудолюбивая, доброжелательная, неповторимо приветливая старушка. При встрече с любым человеком — будь он знаком или незнаком — она первая произносила слово «здравствуюешь». До глубокой старости сохранилась у нее хорошая память, о многом она могла рассказать из прожитой жизни. «Однажды, — рассказывала она, — зашел в наш дом незнакомый человек. Увидев больного маленького Андрюшу, он мне дал совет съездить с ребенком в Иркутск к Святителю Иннокентию, который на всю губернию славится чудесами.

Святитель Иннокентий в гробнице находится в Вознесенском монастыре в шести верстах от Иркутска. Ему нужно помолиться, поставить свечу. Молитву он услышит, ребенок выздоровеет». Выслушав этот совет, бабка, несмотря на зимнюю стужу, с ребенком, кажется, в сопровождении деда, на лошадях поехала в далекий для нее Иркутск. Будучи глубоко верующей, она всю жизнь жила с убеждением, что молитва ее была услышана, сын не только выздоровел, но и вырос умным человеком. Умерла она в годы, когда были не только внуки, но и правнуки, многие из которых хранят о ней добрую память и по сей день.

Выше было сказано, что Борис со своей семьей остался продолжать жизнь в отцовском доме, от строительства был избавлен, надо было только продолжать хозяйствовать. По внешнему облику он мало чем отличался от самого обыкновенного крестьянина: среднего роста, с небольшой бородкой, длинными волосами с прямым пробором, делящим волосы на две стороны, чем напоминал облик святого на старинной деревянной иконе. Стремления дать какое-то образование детям не было ни у него, ни у жены Екатерины Петровны — тихой, молчаливой женщины, хотя начальная школа в это время в Ухте была открыта. Только старший сын Николай и младший Иннокентий поучились немного в школе, причем Николай обнаруживал хорошие способности.

Ст. Зима. № 5.
Озеро Уктуй

Окрестности деревни Ухтуй. Почтовая карточка, 1910-е гг.

Несмотря на то что вся семья работала, хозяйство не процветало, жили от урожая до урожая. Пагубно сказалась Первая мировая война на жизни народа, в том числе ухтуйцев. Самые работоспособные люди были призваны в армию, призван был и Николай. По окончании войны он вернулся домой, много рассказывал о тяжелой фронтовой жизни, о неудачах. <...>

После смерти в 1921 году отца (Бориса Федоровича Медведева. — С. М.) хозяйство как-то захирело, сказалось подорванное здоровье. Огромные трудности пришлось пережить в Великую Отечественную войну. Николай Борисович умер в конце 1940-х годов, оставил двух сыновей и двух дочерей (Михаила, Петра, Марию и Екатерину. — С. М.). Петр выучился на учителя, погиб во время Великой Отечественной войны. Старший, Михаил, был машинистом на станции Зима. Причиной его ранней смерти была трагическая гибель сына, только что окончившего среднюю школу. Это был последний потомок Бориса Федоровича Медведева.

Младший сын Федора Ермиловича Медведева, Константин, отличался от старшего Бориса не только внешностью (он больше походил на интеллигента), но и характером. Это был деловой, энергичный, быстро ориентирующийся в окружающей обстановке, предприимчивый, трудоспособный человек, и даже, как говорили о нем, с коммерческой жилкой. Под стать ему была и его жена Мария Захаровна. Они быстро создали небольшое крестьянское хозяйство. Постарались дать детям небольшое образование, воспитали их трудолюбивыми, не уступавшими в этом родителям. Имея небольшое хозяйство, Константин открыл в Ухте мелочную лавку. По существу, такая лавка нужна была ухтуйцам, избавляя их от необходимости ездить в Зиму за каждой мелочью. Наряду с доброжелателями были и недоброжелатели, завидовавшие хорошей, безбедной жизни Константина Федоровича. Это недоброжелательство проявилось в последующие годы жизни. Первый моральный и материальный урон нанесли солдаты из армии генерала Каппеля во время Гражданской войны в Сибири. Ворвавшись в Ухтуй, они прежде всего разграбили дом и лавку Константина Медведева. Пострадали и хозяйства других крестьян, несколько человек были убиты. Тяжелым для семьи стал и период коллективизации. <...> В этот период сказалась сохранившаяся у некоторых ухтуйцев зависть. Она проявилась в том, что дядю Константина включили в число кулаков, хотя его хозяйство держалось на труде семьи. Получив такой моральный удар, он вместе со всей семьей навсегда оставил родной ему Ухтуй и уехал на восток. По

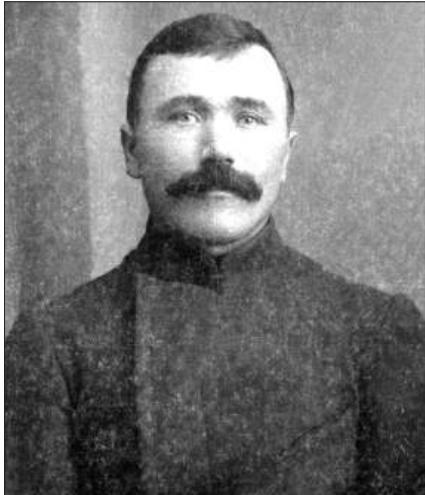
словам его старшей дочери, которая живет в Чите, Константин Федорович жил и работал в Хабаровске, там и умер в 1950-е годы. Один из его младших сыновей живет на станции Дарасун. Есть ли у него потомки, неизвестно. Правды ради надо сказать, что между детьми дяди Константина не было такой дружбы, как между нами (детьми Андрея Федоровича Медведева. — С. М.). Став взрослыми, мы все равно не забывали друг друга, жили общей радостью и общей печалью.

Наш пapa, Андрей Федорович, по словам нашей мамы Пелагии Даниловны, получил, благодаря присущей ему скромности, самый малый надел из отцовского имущества. Поэтому создавать и обустраивать свое хозяйство пришлось не без трудностей. Но он был хорошо грамотным человеком, за что пользовался уважением ухтуйцев.

Он один из семьи закончил Зиминскую приходскую школу с похвальной грамотой и всю жизнь занимался самообразованием, успешно сочетал ведение крестьянского хозяйства со службой в общественных организациях, считая последнее подспорьем в материальной и духовной жизни. В те далекие годы исполнительным органом в Ухте, как и в каждой деревне, была управа. Деятельность управы ограничивалась сельскохозяйственными вопросами, которые решались сходкой (общим собранием крестьян), а все постановления сходки велись писарем, хорошо разбирающимся во всех вопросах, человеком грамотным и честным. В первые годы после раздела

Похвальный лист Андрея Федоровича Медведева, 1889 г.

**Андрей Федорович Медведев,
1913 г.**

паром вниз по течению вместе с грузами и народом. Для избежания подобных неприятностей папа предложил приобрести металлический канат. Ему поручили съездить в Иркутск, купить канат, что он и сделал. Канат был установлен таким образом, что от места переправы река уже не могла уносить паром. Ухтуйцы были довольны и благодарны, как они говорили, Андрею Федоровичу за столь полезное дело.

Следующим этапом его службы стала Тыреть, куда он был переведен на должность уже волостного писаря с большим масштабом работы. Тыреть в те годы была большим селом. Здесь в прекрасном типовом здании работало двухклассное министерское училище с коллективом учителей. Конечно, была церковь. На каникулы из Иркутска приезжала учащаяся молодежь, дети богатых купцов, были здесь работники связи, словом, был слой интеллигенции. Жить можно было более интересно. Общительный по характеру папа со многими дружил, особенно с директором училища Егорушкиным <...>. Но жизнь и работа в Тырети была у папы прервана революцией 1905 года, которая не обошла и Тыреть. Арестованы были директор училища Егорушкин, молодой священник и ряд других лиц <...>. Папа в эти тревожные дни уехал в Ухтуй и в Тыреть больше не возвращался. Он занялся переустройством своего хозяйства.

имущества между братьями папа был избран ухтуйцами писарем Ухтуйской управы и в течение двух лет занимался делами управы. Крестьяне верили, что не будет допущена несправедливость в распределении и сборе податей, при дележке сенокосных угодий и т. д.

Ухтуй стоит вблизи реки Оки, которая отделяет его от сенокосных угодий, леса и населенных бурятами и русскими мест. Для переправы с одного берега на другой был построен деревянный паром, управляемый веслами. Довольно большая и бурная в этом месте Ока часто уносила

Полученную при разделе часть отцовского дома он перевез в Зиму, которая была в то время поселком. Земельный участок в Ухте продал и купил около трех десятин пашни в восьми-десяти километрах от Зимы. Там была построена маленькая избушка — наша засимка, в которой семья Медведевых жила во время полевых работ и спасалась в непогоду.

Помощницей папы была наша трудолюбивая неграмотная мама Пелагия Даниловна. Она как-то успевала справляться с домашними делами и бывать в поле во время страды, оставляя маленьких ребят на попечение старших (чаще это была старшая дочь Мария. — С. М.). В то время, когда ребята были еще подростками, папа нанимал на полевые работы какого-нибудь человека — работника, иногда сам временно оставлял службу.

Родители были для нас, детей, примером. Мама привила нам бережливость, аккуратность, чистоплотность, папа — любовь к учению, к сельскохозяйственному труду, научил дорожить временем. Многих крестьян удивляло, что едем ли мы на страду жать хлеб или на сенокос — берем с собой книги. Книг своих у нас было мало, но томики Пушкина и Лермонтова были всегда. Плохая погода во время полевых работ всегда отдавалась чтению. Так было.

У папы всегда было желание дать нам какое-нибудь об-

Дом А.Ф. Медведева в городе Зиме («горница» отцовского дома, перевезенная из Ухты), 1950-е гг.

разование, но в Зиме в то время были только начальные приходские трехклассная и пятиклассная школы, не было ни одного среднего учебного заведения. Только в 1914 году было открыто четырехклассное высшее начальное училище, что-то промежуточное между начальной школой и средним учебным заведением. Папа специально от имени зиминской общественности ездил в Иркутск к инспектору народных училищ с прошением открыть в Зиме высшее начальное училище. Только в 1918 году было открыто два класса смешанной гимназии, которая позднее была реорганизована в среднюю школу. При Советской власти папа работал в коммунальном отделе горсовета (в 1917 г. Зима стала городом. — С. М.). Личное хозяйство держалось на плечах всей семьи.

Видимо, от рождения у папы была хрупкая нервная система, по этой причине он не был взят в солдаты и не выполнял никакой воинской повинности. Он трагически погиб 1 марта 1924 года. После его смерти наша мама прожила только четыре года. Она умерла после операции на моих руках.

Семья А.Ф. Медведева, 1913 г. Слева направо, 1-й ряд: Иван, дочь Константина Федоровича Медведева Анна, Екатерина; 2-й ряд: Татьяна, Евдокия Зосимовна, Андрей Федорович, Пелагия Даниловна, Федор и Анна

После смерти мамы нас осталось восемь человек, самой младшей было 11 лет. Мечту папы мы осуществили — получили образование. Путь к нему не был прямым и легким.

Я после окончания в 1917 году высшего начального училища готовилась к экзамену на звание учительницы начальной школы. В апреле 1918 года при Зиминской смешанной гимназии выдержала его и была сразу назначена в Крюковскую начальную школу Нижнеудинского уезда. После двух лет работы получила командировку для продолжения образования в Иркутский университет. Считая себя не подготовленной для университета, поступила в открывшийся в 1920 году институт народного образования (ИНО), который должен готовить учителей с высшим образованием для начальных школ. После года моей учебы в ИНО его реорганизовали в педагогический факультет университета. Университет по лингвистическому отделению окончила в 1925 году, совмещая учебу с работой в начальной школе. Ощущая недостаток знаний в точных науках, в 1930 году поступила на естественное отделение вечернего педагогического института. Окончила его в 1936 году без отрыва от преподавательской работы.

Сестра Татьяна по окончании средней школы прослушала краткосрочные учительские курсы и стала учительницей начальной школы, награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Трудные условия для учебы были у брата Ивана. После смерти папы ему было 17 лет, и вся тяжелая работа в поле — пахота, посев, страда, сенокос и т. д. — пала на его плечи, а также на плечи младших братьев и старших сестер. Несмотря на это, он не бросил школу, окончил ее, а в 1925 году сдал экзамены и поступил в университет. Во время весенней сессии приходилось выезжать сеять хлеб, а затем возвращаться, готовиться и сдавать сессионные экзамены. Летом косил сено, заготавливал все необходимое для жизни зимой. Осенью он всегда задерживался на занятия и, пока не обеспечивал мукой маму с ребятами, пропускал занятия, опаздывал иногда на месяц, а то и больше. И все-таки, несмотря на все трудности, в 1929 году Иван окончил университет по факультету русского языка и литературы. По окончании был назначен преподавателем в Зиминскую среднюю школу. Лучших выпускников в 1920-е годы направляли на работу в города и поселки городского типа, значит, брат Иван был в числе лучших.

Анна и Екатерина после окончания педтехникумов год проучились в Томском пединституте, а затем перевелись — Анна в Свердловский пединститут, а Екатерина в Ленинградский

**Дети Андрея Федоровича и Пелагии Даниловны Медведевых,
1935 г. Слева направо: Антонина, Федор, Анна, Иван, Мария,
Леонид и Екатерина Медведевы**

пединститут имени А.С. Бубнова. Обе окончили институты в 1937 году.

Брат Федор по окончании средней школы работал в редакции заводской газеты на Зиминском лесозаводе. В 1936 году уехал в Москву и учился в Коммунистическом институте журналистики (КИЖ). На третьем году его учебы КИЖ был закрыт, и он перешел на исторический факультет Московского педагогического института имени К. Либкнехта. Окончил его в 1941 году и сразу был направлен на краткосрочные политкурсы. По окончании курсов был направлен на фронт. Последнее письмо от Федора я получила с волоколамского направления (в этом письме от 10 октября 1941 г. из Можайска Ф.А. Медведев указывает вяземское направление Западного фронта, где их часть заняла оборону недалеко от передовых позиций. — С. М.), в первое наступление немцев на Москву. Федор Андреевич погиб в октябре 1941 года. Это был способный молодой человек.

Леонид, младший из братьев, окончил с хорошими показателями по техническим предметам Иркутское фабрично-заводское училище, получил профессию токаря. В 1934 году он уехал к брату Ивану в Ленинград и по настоящее время работает на одном из военных заводов с перерывом, когда уходил в воинские части на защиту города. Награжден орденом и медалями.

В 1940 году окончила Иркутский медицинский институт самая младшая сестра Антонина.

Такова история семьи Медведевых. Таков был путь к получению образования детей Андрея Федоровича Медведева. Этот путь был открыт для нас революцией 1917 года.

Учителя из семьи Андрея Федоровича Медведева

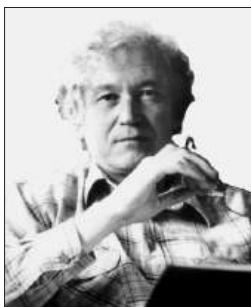
Имя	Профессия	Учебное заведение	Стаж работы
Мария Андреевна, 1900 года рождения	Учительница средней школы	Иркутский госуниверситет, 1925 г., и Иркутский государственный пединститут, 1936 г.	40 лет
Татьяна Андреевна, 1902 г. р.	Учительница начальной школы	Зиминская средняя школа с педагогическим уклоном, 1919 г.	35 лет
Анна Андреевна, 1905 г. р.	Учительница средней школы	Свердловский государственный пединститут, 1937 г.	34 года
Иван Андреевич, 1907 г. р.	Учитель средней школы, лектор-международник	Иркутский государственный университет, 1929 г.	16 лет 27 лет
Екатерина Андреевна, 1909 г. р.	Учительница средней школы	Ленинградский государственный пединститут, 1937 г.	29 лет
Федор Андреевич, 1911 г. р.	Последний государственный экзамен сдал 26 июня 1941 г., 27 июня «отбыл в № часть», погиб после 10 октября 1941 г.	Московский пединститут, 1941 г.	—

Иркутск, август 1982 года.

P. S. Верится, что последующие поколения будут способнее, даровитее нашего.

Публикация С.И. Медведева

НЕМНОГО О М.А. МЕДВЕДЕВОЙ И НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К РОДОСЛОВНОЙ СЕМЬИ МЕДВЕДЕВЫХ

*Сергей Иванович Медведев,
историк Центра по сохранению
историко-культурного наследия
Иркутской области,
г. Иркутск*

Воспоминания «Пять поколений Медведевых» написаны патриархом нашей семьи — Марией Андреевной Медведевой (1900–1986), педагогом-новатором, заслуженным учителем школы РСФСР.

Мария Андреевна относилась к числу тех народных учителей, силы и энтузиазм которых были разбужены революциями 1917 года. Спада в деятельности, и педагогической, и общественной, не было на протяжении всей ее жизни. До старости она находилась в неустанном движении и самосовершенствовании.

Родилась она в деревне Ухтуй Зиминской волости Балаганского уезда Иркутской губернии в крестьянской семье. Была старшей из всех своих братьев и сестер (выросли пять сестер и три брата). Училась в Зиминской церковноприходской школе, потом в Зиминском четырехклассном высшем начальном училище, которое окончила весной 1917 года. Об учебе в училище она вспоминала так: «Учителя строго придерживались учебных программ, не проявляя даже небольшого стремления расширить наши познания, наш кругозор... Само училище без библиотеки, без демонстраций на уроках каких-либо пособий, с ежедневными молитвами перед уроками не тревожит память...».

Учительницей начальной школы Мария Андреевна Медведева стала после сдачи экстерном экзамена при Зиминской смешанной гимназии в апреле 1918 года и сразу была направлена в Крюковскую трехклассную школу Нижнеудинского района. В 1920 году, «не имея за плечами законченного среднего образования», Мария Андреевна сдала экзамены и поступила в институт народного образования (ИНО). После упразднения ИНО она продолжила учебу на

педагогическом факультете Иркутского университета. Материальная необеспеченность привела к тому, что ей пришлось учебу совмещать с работой. В 1922–1931 годах она преподавала в 1-й и 2-й железнодорожных школах станции Иркутск. Администрация университета шла навстречу студентам: многие лекции читались в вечернее время. Окончила университет М.А. Медведева в 1925 году. Учительствовала в Иркутском комбинате рабочего образования и средней школе № 11.

В 1936 году без отрыва от педагогической работы окончила биологический факультет Иркутского пединститута, получив диплом и право преподавать биологию в средних учебных заведениях.

18 лет, с 1938 по 1956 год, Мария Андреевна преподавала биологию и основы дарвинизма в Иркутском педучилище. Увлекательно и просто знакомила она учащихся с передовыми достижениями ученых-естественников. Она была и активной общественницей, инициатором многих ценных начинаний в училище. Под ее руководством был создан и оборудован

*На семинаре по методологии русской литературы
под руководством профессора Азадовского, 1923 г.
Справа налево: В. Кудрявцев, ?, Семенов, С. Попова,
М.К. Азадовский, М. Медведева, О. Лекаренко,
Л. Межерова и др.*

превосходный биологический кабинет (она очень гордилась этим своим детищем). Как правило, с первых весенних дней теоретические занятия в классах сочетались Марией Андреевной с практическими работами в саду педучилища или походами в пригороды (частыми были экскурсии на берега Чертого озера). В течение двух лет (1945–1947) по совместительству вела курсы основ дарвинизма и анатомии и физиологии человека в Учительском институте.

В 1944 году она была награждена орденом «Знак Почета», в 1945 году «за успешную учебно-воспитательную работу» награждена значком «Отличник народного просвещения». В 1947 году «за выдающиеся заслуги в области народного образования» Мария Андреевна удостоена почетного звания «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Преподавание и педагогическая практика со студентами в базовой школе педучилища давали пытливому педагогу материал для обобщения, что и было сделано М.А. Медведевой в виде двух методических пособий, вышедших в свет в Иркутском книжном издательстве. В 1951 году была издана книга «Неживая природа. Опыт преподавания естествознания

**Биологический кабинет Иркутского педучилища,
1939 г.**

в 4-м классе начальной школы», в 1957 году — книга «Ведение календаря природы и человеческой деятельности в начальной школе». Пособия использовались в работе многими учителями начальной школы, в том числе и выпускниками педучилища. По просьбам учителей Марии Андреевне пришлось отправлять свои книги в разные города страны. В 1939–1985 годах в периодической печати было опубликовано много ее статей. В основном они были посвящены вопросам образования, ряд статей носил общественный характер.

В годы Великой Отечественной войны она вела работу с населением для оказания помощи фронту, работала с домашними хозяйствами Свердловского района при домоуправлении № 114. Женщины ходили по квартирам, собирали теплые вещи, ремонтировали их и отправляли на фронт. Ими было собрано 53 тысячи рублей на боевой самолет. В ответ на имя М.А. Медведевой и группы домашних хозяйств была получена правительенная телеграмма из Москвы, которая была опубликована в газете «Восточно-Сибирская правда» от 2 мая 1943 года.

В 1930–1950-х годах М.А. Медведева неоднократно избиралась депутатом Иркутского областного и Иркутского городского Советов депутатов трудящихся. В отличие от многих чиновников (в том числе современных) она не была номинальным депутатом, боролась за интересы своих избирателей, выполняла их конкретные просьбы и наказы. В 1950–1960-х годах Мария Андреевна являлась заместителем председателя Иркутского областного комитета защиты мира (председателями были И.И. Молчанов-Сибирский и, позднее, Н.Г. Григорьев), участвовала в 3-й конференции сторонников мира в Москве в 1951 году. Была награждена

*Обложка книги
М.А. Медведевой
«Неживая природа»*

Почетной грамотой Советского комитета защиты мира. Много выступала с докладами и речами в самых разных аудиториях, среди ее слушателей были и рабочие депо станции Иркутск, и интеллигенция Иркутска в здании драмтеатра. По заданию Иркутского областного книжного издательства и института усовершенствования учителей она рецензировала работы по педагогике.

Перед уходом на пенсию М.А. Медведева работала методистом на биолого-почвенном факультете Иркутского университета, занимаясь педагогической практикой со студентами выпускного курса.

В последние годы жизни Мария Андреевна активно участвовала в деятельности Клуба ветеранов педагогического труда при областном Доме работников просвещения, с 1967 года все свободное время отдавала общественной работе по созданию музея истории народного образования Иркутской области при Иркутском институте повышения квалификации учителей. М.А. Медведева фактически являлась научным руководителем проводившейся работы по созданию фондов

и разработке экспозиций музея. Она вела поиск материалов путем переписки с учителями-ветеранами, сама работала в областном архиве, обобщала воспоминания старых учителей, литературные источники и архивные документы, готовила материалы к истории народного образования в Иркутске и Иркутской области. Часть материалов по истории народного образования Иркутска (дореволюционный период) была подготовлена ею к печати.

Воспоминания написаны М.А. Медведевой в 1982 году, когда еще были живы некоторые упоминаемые ею род-

*Иван Андреевич Медведев,
руководитель лекторской группы
Иркутского обкома КПСС, 1964 г.*

ные и когда родились первые представители пятого поколения, а если учесть исследования последних лет* — седьмого поколения семьи (Борис и Ольга Медведевы). Особо Мария Андреевна собиралась написать о брате Иване Андреевиче Медведеве, педагоге и широко известном в свое время в Иркутской области лекторе-международнике, многолетнем руководителе лекторской группы областного комитета КПСС, учителе многих иркутских лекторов и преподавателей, но не успела.

Ныне не осталось в живых никого из детей Андрея Федоровича Медведева, но род Медведевых продолжен в их детях, внуках и правнуках.

**Валентина Владимировна
Медведева, врач-
травматолог, 1974 г.**

МАТЕРИАЛЫ К РОДОСЛОВНОЙ СЕМЬИ МЕДВЕДЕВЫХ

I. **Григорий Медведев** (ок. 1773 – 7 мая** 1829).

II. Дети Г. Медведева:

Василиск Григорьевич;

Василий (Василько) Григорьевич — жена Ксения Яковлевна;

Ермил Григорьевич Медведев (не позднее 1810, д. Ухтуй – после 1844, д. Ухтуй) — жена Агафия Михайловна Захарова (не позднее 1812 – после 1844), сочетались первым браком 13 января 1830;

Андрей Григорьевич (1822–?) — жена Феоктиста Ивановна;

Евдокия Григорьевна;

Феодосия Григорьевна;

Григорий Григорьевич (1814 – 1 апреля 1814).

* Уже после смерти М.А. Медведевой, работая в Государственном архиве Иркутской области, мы установили имена некоторых наших предков, которых Мария Андреевна не упоминает.

** Все даты до 1918 г. приведены по старому стилю

III. Дети Е.Г. Медведева:

Никита Ермилович (16 июля 1831 – ноябрь 1831);

Евдокия Ермиловна (2 августа 1832 – 18 августа 1832);

Федор Ермилович Медведев (ок. 1844, д. Ухтуй – 14 июля 1903, д. Ухтуй) — жена Евдокия (Авдотья) Зосимовна Медведева (ок. 1843, д. Ухтуй – 1922, д. Ухтуй).

IV. Дети Ф.Е. Медведева:

Борис Федорович Медведев (1868, д. Ухтуй – 1921, д. Ухтуй) — жена Екатерина Петровна, их дети: Николай, Варвара, Анастасия, Иннокентий и Петр;

Степанида Федоровна Медведева (1869, д. Ухтуй – 1900) — муж Шиверский, детей не было;

Андрей Федорович Медведев (26 сентября 1878, д. Ухтуй – 1 марта 1924, г. Зима) — жена Пелагия Даниловна Медведева (урожд. Рубцова, сентябрь 1878, д. Ухтуй – 28 августа 1928, Иркутск);

Константин Федорович Медведев (1882, д. Ухтуй – 1950-е, Хабаровск) — жена Мария Захаровна, их дети: Анна, Петр, Александр, Федор и Екатерина;

Варвара Федоровна Медведева (1887–1960-е) — муж Дмитрий Никитович Шиверский (1883–?), их дети Клавдия, Иван, Софья и Дмитрий.

V. Дети А.Ф. Медведева:

Иван Андреевич и Валентина Владимировна Медведевы с сыновьями Сергеем и Андреем, 1974 г.

Мария Андреевна Медведева (26 июня 1900, д. Ухтуй – 9 марта 1986, Иркутск) — муж Петр Кузьмич Петров (29 декабря 1891, с. Залари – 26 мая 1970, Иркутск), детей не было;

Татьяна Андреевна Медведева (15 декабря 1902, д. Ухтуй – 3 апреля 1954, Иркутск) — замужем не была;

Анна Андреевна Медведева (1904, д. Ухтуй – 1973, Иркутск) — замужем не была, ее сын Вячеслав Сергеевич Медведев (декабрь 1938 – ок. 1990, Мурманск) и внук Сергей Вячеславович Медведев (род. 27 июля 1963 в Новосибирске) — врач, продолжает род Медведевых, живет и работает в г. Кургане;

Иван Андреевич Медведев
(3 января 1907, с. Зима – 7 апреля 1998, Иркутск) — жена Валентина Владимировна Медведева (урожденная Казанцева, род. 17 мая 1924 в Иркутске);

Екатерина Андреевна Медведева (24 ноября 1909, с. Зима – 30 сентября 1995, Иркутск) — замужем не была;

Федор Андреевич Медведев (22 октября 1911, с. Зима – октябрь 1941, погиб в бою под Москвой) — женат не был;

Леонид Андреевич Медведев (30 января 1916, с. Зима – 13 января 1994, Санкт-Петербург) — жена Нина Сергеевна, их дочь Ирина Леонидовна Медведева (в замужестве Кулакова, род. в 1947 в Ленинграде);

Антонина Андреевна Медведева (1917–1967) — муж Тимофей Кирикович Ащепков (6 марта 1917, с. Амосовка Якутской АССР – 2002, Владивосток), их дети: Виталий, Леонид и Андрей;

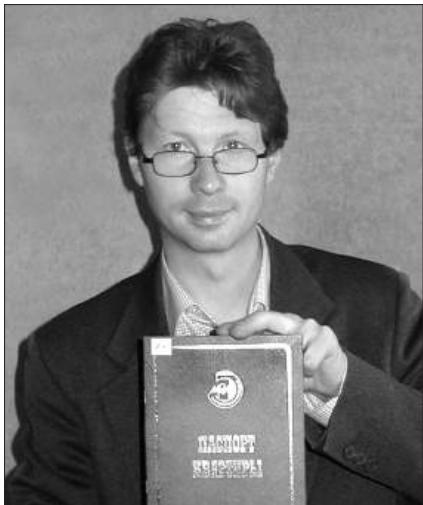
Василий Андреевич Медведев (февраль 1921, г. Зима – 3 июля 1923, г. Зима).

VI. Дети И.А. Медведева:

Сергей Иванович Медведев (род. 25 августа 1947 в Иркутске) — жена Татьяна Васильевна Медведева (урожденная Николаева, род. 14 июля 1957 в г. Черемхово

**Ольга Сергеевна Медведева,
2003 г.**

Борис Андреевич Медведев,
2004 г.

Иркутской обл.), их дочь Ольга Сергеевна Медведева (род. 17 мая 1981 в Иркутске) живет и работает в Иркутске;

Андрей Иванович Медведев (род. 3 апреля 1949 в Иркутске) — жена Галина Юрьевна Медведева (урожденная Зверева, род. 27 ноября 1949 в Москве).

VII. Дети А.И. Медведева:

Борис Андреевич Медведев (род. 11 сентября 1977 в Москве), живет и работает в Москве;

Мария Андреевна Медведева (род. 17 июня 1983 в Москве), живет и учится в вузе в Москве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Иркутской области, ф. 50, оп. 3, д. 429 (1832 г.), 469 (1835 г.), 720 (1852 г.); оп. 7, д. 146 (1829 г.), 149 (1830 г.); оп. 9, д. 114 (1881 г.), 1247 (1900 г.), 1264 (1902 г.), 1275 (1903 г.), 1309 (1907 г.), 1368 (1911 г.).

Медведева М.А. Из некоторых воспоминаний. — Иркутск, 1977. (Рукопись из архива семьи.)

Правительственная телеграмма. Иркутск, депутату горсовета тов. Медведевой, домашним хозяйствам тт. Бобрышевой, Ланок, Козловой, Любавской // Восточно-Сибирская правда. — 1943. — 2 мая.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Тальцы»!

Пишет вам Тараканов Валентин Александрович, 1936 года рождения, ныне проживающий в Московской области в несусветной дали от родной реки Лены, где родился.

Я прошу вас опубликовать в журнале «Тальцы» мой текст, озаглавленный «Драгоценный дар», который прилагаю к этому письму. Цель «Драгоценного дара» — публично выразить глубокую признательность и благодарность от имени всех ленских Таракановых ученому секретарю Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Юрию Петровичу Лыхину за его огромный добросовестный и кропотливый труд по росписи нашей родословной.

Остаюсь в большой надежде, что текст мой будет опубликован, за что заранее искренне благодарен вам.

С пожеланиями крепкого здоровья и творческих успехов
Валентин Тараканов.

17 июля 2004 г.
г. Королёв Московской области

ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР

К сожалению, я слишком поздно заинтересовался историей и родословием нашей семьи, своих предков по линии отца и мамы. В переменчивых ежедневных и сиюминутных заботах, увлечениях и устремлениях ранней молодости своей жил я безоглядно, не обращая духовный взор свой в те давние времена, когда жили наши уважаемые предки, не думал о них, не мог по молодости своей осознать и обозреть ветвистое наше родословное древо, почувствовать себя листком на одной из ветвей его. А ведь в те времена я, с зеленою и молодой душой, был именно тем молодым зеленым листком

на кроне нашего древа, листком, который, то радуясь тишине и гармонии мира, то трепеща на буйном ветре его, забывал ли, не ведал ли вообще о том, что жизнь его идет от дальних корней внизу, скрытых глубоко в земле. Кроме того, специфика моей профессии моряка не способствовала до определенного времени духовному внедрению в мир нашей генеалогии — многие годы я был «морским бродягой», в моей психологии преобладали черты космополита, «гражданина всяя Земли».

Но пришла пора, со значительным запозданием, к сожалению, и уцелевшая, устоявшаяся, умудренная и просветленная душа почувствовала приближение к началу своему, она услышала зов предков, почуяла, что принадлежит роду. Однако пробуждение моего интереса к родословной произошло во мне, как я уже сказал, слишком поздно — к тому времени отца моего уже не было на белом свете. И теперь я готов кусать локти от горькой досады, что не расспросил отца в свое время о его жизни, а сам он почему-то ничего мне не рассказывал. И все об отце моем ушло неведомо и безвозвратно.

А вот мама наша многое рассказала мне. Первую запись ее рассказов я сделал в 1984 году и позднее в разные годы пополнял эти записи. Приезжая в периоды своих отпусков в Иркутск к маме в гости, я выбирал подходящее время (когда мы оказывались вдвоем наедине) и просил ее рассказывать о своей жизни, задавал ей конкретные вопросы. Мама говорила: «Вот чудак ты, Валя! Ну зачем тебе все это? Ведь все прошло...» И отвечала на мою просьбу и вопросы как бы нехотя, но затем увлекалась и радowała меня рассказами-воспоминаниями о старине, о детстве своем в деревне, о жизни и семейно-бытовом укладе их крестьянской семьи со множеством подробностей, которые оживали в ее удивительно цепкой памяти. Я слушал и сразу же записывал. Задавал маме по ходу ее рассказа вопросы, уточнял детали, обстоятельства, углублялся в подробности, чтобы наиболее четко и живо представить себе то, о чем мама рассказывала.

Позднее, когда я работал над собранными воедино всеми записями рассказов мамы, то всякий раз словно заново переживал все, о чем в них сказано, всей душой переносился в то давнее время, в те места, где родилась мама, где прошло ее детство, глубоко переживал всю драму ее жизни и жизни ее семьи, чувствовал себя как бы свидетелем тех событий. И все это становилось мне таким родным и близким, душа уносилась к своим истокам, к началу своему, погружалась в

то прошлое, словно я жил там, в родной и священной для нас маминой деревеньке на Ангаре с ласковым и таким исконно русским названием Ерёмина, затопленной ныне Братским водохранилищем. В действительности же, бывая в Иркутске в то время, когда деревенька Ерёмина была еще жива, не сподобился я побывать в ней, хотя до нее было всего-то 380 километров по течению Ангары. Позднее, когда Ерёмина уже погибла, я с высоты Иркутского моста смотрел на стремительный поток Ангары в сторону маминой деревни и с горечью думал о навсегда упущенном мною возможностью побывать в Ерёминой, когда она была еще жива. И лишь взгляд мой, оставленный на поверхности Ангары, река пронесла через родные благословенные мамины места, над затопленной ее деревней...

Окончательную работу над записями рассказов мамы, их компоновку и подготовку к машинописи я завершил в период своего второго рейса на Австралию в мае–июне 1993 года. Находясь в подлинном смысле за тридевять земель и морей от маминых мест, у берегов Австралии и в экваториальных широтах под созвездием Южного креста, в процессе работы над записями я снова всей душой был там — на берегу далекой Ангары в родной нашей деревеньке Ерёминой, словно не лежит она навечно под толщей ангарских вод, а живет и здравствует своей долгой и праведной жизнью и поныне. Так оно и есть — она живет в нашей памяти... На пишущей машинке я отпечатал окончательно обработанные записи маминых рассказов, и получилась интереснейшая повесть о том, что было.

О жизни же нашей семьи, о нашем отце мне еще много предстояло узнать от мамы, так как я успел записать лишь жизнь маминой семьи до изгнания ее из родных мест в гибельные годы «великого перелома» и сталинско-сатанинского «головокружения от успехов». Но мама не оказалась вечной, она ушла из жизни в декабре 1995 года. Все, что не досказала она о нашем отце, ушло вместе с нею. И я всей душой, настоятельно советую всем молодым людям: не упускайте время, торопитесь, используйте любую возможность сердечно поговорить со своими родителями об их жизни, о прошлом, о предках своих, чтобы вместить их навсегда в свою личную жизнь и душевно быть всегда вместе с ними; сумейте почувствовать зов крови, родовую привязанность, счастливую горечь которой, как говорил любимый народом писатель Виктор Астафьев, ныне дано испытать уже далеко не всем; помните — родители наши не вечны, торопитесь, не упустите время!

Родословной по линии отца нашего, Тараканова Александра Прокопьевича, я занялся с января 1986 года. Единственным источником этой работы были рассказы родственников. На основе тех рассказов мне удалось составить генеалогическую схему семьи нашего отца. Со временем эта схема корректировалась, дополнялась, уточнялась. Работа шла на дилетантском уровне. Каких-либо архивных сведений не было. Эту генеалогическую схему (древо) я разослал своим близким родственникам. И вот произошло событие, удивительный сюрприз — в феврале 1999 года я получил от своей тети (сестры отца) Тамары Прокопьевны ценнейший фотораритет, снимок семьи прадеда моего, Дмитрия Михайловича Тараканова, сделанный около 1904 года. Теперь этой фотографии уже 100 лет! Качество фотографии отличное для столь почтенного ее возраста и формат хорош — 158 x 210 мм. Это во всех отношениях уникальная фотография! Невероятно, что она была сделана в начале прошлого века в далекой ленской деревеньке, сохранилась до нашего времени и оказалась у меня. Когда я получил эту фотографию, то смотрел на нее в благоговейном восторге и не мог поверить тому чуду, что из вековой давности глядят на меня родные и дорогие мне лица, от которых идет мое начало! А две девушки-сестры Варвара и Харитина — как хороши они своей неординарной сибирской красотой, соболиными бровями вразлет, с косами, в нарядных кофточках и со цветами в руках! Так хороши, что глаз не отвести, и я прямо-таки влюбился в них. Фотография эта завораживает меня, и я временами смотрю на нее, и она уводит меня, мое воображение в ту даль времени, откуда смотрят лица родных, в таинственную для меня деревню Спорошино, на правый верхоленский бережок. И я люблю ту деревню Спорошино и почитаю ее родной (хотя и не бывал в ней никогда), люблю так же, как деревеньку Ерёмину на левом берегу Ангары, где родилась моя мама. И думаю, что всякий человек имеет три места рождения: место рождения отца, место рождения матери и место своего рождения. И потому я считаю родными эти две деревни и две реки — Лену и Ангару.

Позднее в вашем журнале «Тальцы» (2002, № 14) была опубликована интереснейшая статья Ю.П. Лыхина по истории этой фотографии, обо всех, кто запечатлен на ней, — Юрий Петрович как бы оживил, одухотворил каждого из них и в целом всю фотографию. В той статье он так проникновенно сказал о ней: «Все снявшиеся на фотографии люди уже ушли из жизни, даже маленький мальчик, стоящий у ног своей бабушки. Они еще не ведают о своем будущем. Жизнь течет размеренно и традиционно.

О будущих испытаниях, предстоящих как всей стране, так и этой, в частности, семье, никто не догадывается».

На этой фотографии одна из девушек, Харитина, сестра моего дедушки — бабушка Юрия Петровича. Ко времени публикации упомянутой статьи он уже много поработал по родословной своей бабушки Харитины Дмитриевны, урожденной Таракановой, из деревни Спорошиной, и статья о фотографии была фрагментом этой работы. Он завершил обширное исследование по родословной Таракановых, охватившее, начиная с пращура нашего Михаила, пять поколений этой семьи. Юрий Петрович работу по родословию Таракановых не прекращал и все далее углублялся в даль времен по «генеалогической жиле» Таракановых, много работал в архивах Иркутска с метрическими книгами церквей Киренского уезда, через московского исследователя Г.Б. Красноштанова, ленского уроженца, получал сведения из центральных архивов Москвы, побывал непосредственно в священных для нас местах и деревнях на реке Лене, где жили наши дорогие предки, встречался там с Таракановыми, сделал и опубликовал много интересных цветных снимков тех мест реки Лены и до сих пор сохранившихся домов двух своих двоюродных дедов Таракановых в деревне Спорошиной. И в результате такого колоссального труда Юрий Петрович документально достоверно установил непрерывную родословную линию Таракановых аж до 1689 года, когда родился Осип Тараканов, которого все мы, ленские Таракановы, знаем теперь как нашего самого далекого предка. Так блестяще и в высшей мере результативно Юрий Петрович завершил работу по родословной своей бабушки Харитины. Этую работу он опубликовал в журнале «Тальцы» (2003, № 19) в статье «Бесконечная история».

Начиная в январе 1986 года свой робкий дилетантский поиск по нашей родословной, я никак не предполагал, что через 18 лет стану обладателем уникальных материалов и полной, до 1689 года (!) документальной генеалогической росписи прямых своих предков. К настоящему времени у меня образовалось ценнейшее для меня, для дочери моей и внука собрание документов и текстов со всеми возможными архивными подробностями быта и родословных связей ленских Таракановых — итог огромной поэтапной работы, которую проделал на подлинно высоком научном уровне мой троюродный брат Юрий Петрович Лыхин. И отрадно то, что эти ценнейшие родословные материалы благодаря его высоким человеческим качествам, верности родословному чувству и долгу добросовестного ученого находятся теперь

у многих современных Таракановых как его бесценный дар. Он — первопроходец, он проложил для нас генеалогическую тропу в даль времени, он вывел нас из тьмы невежества непомнятых Иванов, трудом своим выяснил для нас более чем трехвековую историю нашей фамилии, открыл для нас возможность духовным взором обозреть непрерывную связь всех нас с нашими предками и предков с нами, расширил временные горизонты жизни каждого из нас до трехсотлетнего предела. Юрий Петрович оказался для нас Богом данным удивительным генеалогическим археологом и факельным историографом — вот как нам повезло!

Написанное мною в духе пушкинского монолога Пимена «Благодарение» пусть станет публичной благодарностью Юрию Петровичу Лыхину от всех нас, ныне здравствующих ленских Таракановых, за его драгоценный для нас дар.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Спасибо Вам, Петрович, Юрий Лыхин,
За Вашу летопись по нашей родословной
От патриархов наших Осипа, Михайлы
До сих времен попятной перестройки.
От всех нас, Таракановых, поклон примите,
Да исполять Вам присно и во веки!
Теперь любой из нас с душою чуткой
Возьмет Ваш труд усердный, драгоценный,
Засветит он неонову лампаду
И, добрым словом вспоминая Вас,
Преданья Ваши ксероксом размножит.
И мы — потомки пращуров своих —
Да будем знать историю семьи,
Узрим себя на Древе родословья
И не умножим рать непомнятых Иванов.
Спасибо Вам, Петрович, Юрий Лыхин,
И здоровья на многие лета!

Тараканов Валентин Александрович, родился в 1936 году в поселке-пристани Пеледуй на реке Лене, потомок из десятого поколения от 1689 года пашенного крестьянина Осипа Тараканова. В 1956 году окончил Якутское речное училище, в 1968 году — Высшее инженерное морское училище во Владивостоке; штурман дальнего плавания, пенсионер, оказавшийся в несусветной дали от родных сибирских мест.

Июль 2004 г., г. Королёв Московской области.

ИНСТИТУТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*Алла Владимировна Краско,
старший научный сотрудник
Института генеалогических исследований
Российской национальной библиотеки,
вице-президент Русского генеалогического
общества,
г. Санкт-Петербург*

В 1992 году в Российской национальной библиотеке было создано уникальное научно-исследовательское подразделение — Институт генеалогических исследований (ИГИ). Это был своевременный и адекватный ответ на веление времени: наша страна переживала бум интереса к истории, к своим «корням». Дирекция библиотеки решила создать первый в России профессиональный центр генеалогических исследований, поскольку Российская национальная библиотека располагает богатейшим фондом старой и новой историко-генеалогической литературы, и потому еще, что здесь как до 1917 года, так и в советское время трудились люди, которые такие исследования вели.

Перед новым подразделением была поставлена задача «всесторонне и всемерно содействовать развитию генеалогии как специальной научной дисциплины и вообще как особой отрасли гуманитарного знания, выявлять, собирать и накапливать материал по генеалогии и смежным отраслям науки и вводить их в научный и культурный оборот, составлять библиографические указатели и другие справочные пособия, консультировать читателей по различным вопросам источниковедения и методики генеалогического поиска, вести просветительскую работу среди широких слоев населения, проводить научные исследования по генеалогии, просопографии и истории семей, составлять родословные отдельных семей и родов».

Это подразделение было и остается небольшим по числу работающих, по штатному расписанию мы имеем шесть ставок. Возглавляет институт с момента его создания один из ведущих отечественных генеалогов Игорь Васильевич Сахаров, который был инициатором этого проекта.

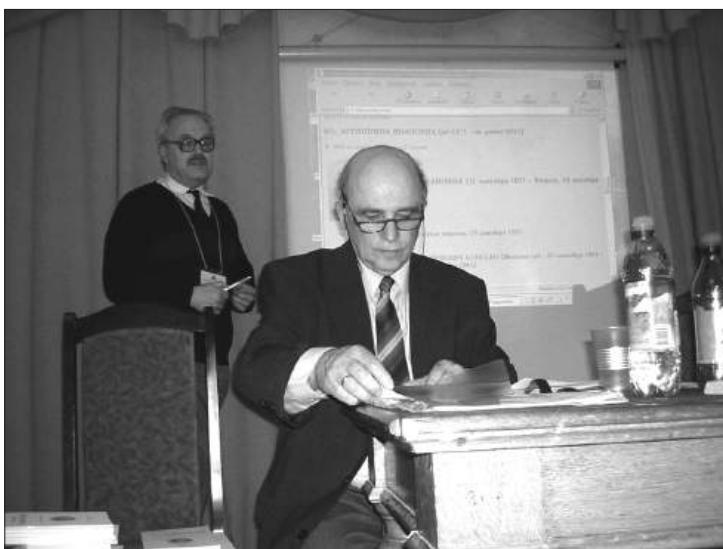
***Главное здание Российской национальной библиотеки,
в котором находится Институт генеалогических исследований***

ИГИ стал организационным ядром созданного в 1991 году Русского генеалогического общества (РГО), объединяющего в своих рядах более 250 человек из Петербурга и других городов страны. За эти годы сложились формы совместной работы ИГИ и РГО, которые остаются постоянными и неизменными длительное время и объединяют сотни и сотни людей, занимающихся родословными разысканиями. Прежде всего это ежемесячный научный семинар «Генеалогия и история семей», работающий в Российской национальной библиотеке с 1989 года. Доклады и сообщения, которые читаются на его заседаниях сотрудниками ИГИ, членами РГО и другими заинтересованными лицами, освещают такие вопросы, как генеалогия и история конкретных родов или семей, методика и источниковедение генеалогического поиска, содержат обзоры новой литературы, сведения о научных конференциях.

ИГИ ежегодно выступает в качестве организатора или соорганизатора ряда научных конференций по своей тематике. Среди таковых в первую очередь надо назвать ежегодные Петербургские генеалогические чтения. Эти конференции, имеющие определенную тему, стали общепризнанным местом творческих контактов генеалогов не только Петербурга, но и

России. В 1997 году прошла первая такая конференция — «Русское генеалогическое общество в зеркале истории», посвященная 100-летию со дня основания общества (14 докладов и сообщений), в 1998 году состоялись Вторые чтения — «Российские роды иностранного происхождения» (двухдневные, 47 докладов и сообщений), в 1999 году — Третья чтения — «Однофамильные роды» (20 докладов и сообщений), в 2000 году — Четвертые чтения — «Генеалогия и религия», посвященные 2000-летию христианства (двухдневные, 31 доклад); Восьмые чтения (2004 г.) — «Вопросы генеалогической эвристики», включавшие несколько десятков докладов и сообщений, посвящались методическим и источниковедческим аспектам генеалогических исследований.

С 1991 года в рамках углубленного изучения истории и генеалогии известнейших российских родов проводятся Шереметевские чтения. Таких конференций прошло уже 13. Дважды, в 1998 и 2000 годах, конференции посвящались истории петербургского Фонтанного дома графов Шереметевых; Шереметевские чтения 1993 и 1994 годов были посвящены последнему владельцу этой усадьбы графу С.Д. Шереметеву, известному организатору отечественной исторической науки в конце XIX – начале XX века и историку рода Шереметевых;

И.В. Сахаров, директор Института генеалогических исследований и президент Русского генеалогического общества, 2004 г.

В зале заседаний Восьмых Петербургских генеалогических чтений, 2004 г.

Чтения 2002 года посвящались 350-летию со дня рождения фельдмаршала графа Б.П. Шереметева и т. д. По образцу петербургских Шереметевских чтений стали проводиться аналогичные конференции в Москве, Иванове, Ярославле и некоторых других местах, где некогда находились крупные имения представителей этого рода.

ИГИ с момента своего создания традиционно сотрудничает с Генеральными консульствами Нидерландов, Франции, Великобритании, Швейцарии, совместно с которыми подготовлена и проведена серия научных конференций «Иностранцы и их потомки в России и Петербурге». В этих научных мероприятиях обычно принимают участие исследователи из зарубежных стран.

Научные сотрудники ИГИ принимают участие в международных проектах в области генеалогии и геральдики, с 1992 года участвуют в работе международных конгрессов и коллоквиумов по генеалогии и геральдики. Директор ИГИ И.В. Сахаров избран первым вице-президентом Международной академии генеалогии, автор данных строк — членом-корреспондентом этой академии.

За годы существования института его сотрудниками опубликовано более 150 монографий, брошюр, статей, библиографических обзоров по своей научной тематике. Среди

них — статьи в энциклопедиях «Немцы России», «Отечественная история», в издаваемом ИГИ совместно с РГО журнале «Известия Русского генеалогического общества», а также в Трудах международных конгрессов по генеалогии и геральдике на английском, французском, немецком и итальянском языках.

В 2000 году при ИГИ была также разработана специальная учебная программа и на ее основе открыта Школа практической генеалогии. Вот уже пятый учебный год люди, желающие научиться источниковедению и методике генеалогического поиска, имеют возможность это сделать. Сотрудники института проводят также индивидуальное консультирование желающих заняться изучением своей родословной (на платной основе).

Жизнь показала, что потребность общества в генеалогическом знании неуклонно возрастает, и мы надеемся, что со временем на базе ИГИ РНБ будет создан современный информационный центр «Генеалогия и история семей». Он может включать в себя особый читальный зал (возможно, платный) со специально подобранным фондом литературы как из состава богатейших фондов нашей библиотеки, так и из других источников. На повестке дня стоит вопрос о создании электронной (виртуальной) библиотеки, где хранилась бы, в частности, уникальная информация из редких и особенно ценных генеалогических справочных изданий, которые в бумажном виде существуют в нескольких библиотеках страны. В эпоху повсеместного распространения современных информационных технологий эта задача вполне решаема.

В таком информационном центре квалифицированный сотрудник ИГИ может давать желающим как бесплатные, так и платные консультации. Здесь же может быть организован прием частных заказов на исполнение генеалогического исследования (после предварительной экспертной оценки возможности исполнения).

Задуманный нами центр может стать методическим центром и для библиотек России, сотрудники которых все чаще сталкиваются с проблемой поиска генеалогической информации по запросам своих читателей.

Можно сказать, что благодаря созданию ИГИ Российской национальная библиотека не только превратилась в крупный генеалогический центр, имеющий общероссийское и международное значение, но и стала одним из лидеров развернувшегося в нашей стране общественно-культурного движения за пробуждение интереса к генеалогии и семейной истории как необходимым элементам личного и общественного самосознания.

ДНИ ПАМЯТИ

M.R. Новосёлова (1931–2004)

23 марта 2005 года состоялось расширенное заседание иркутского городского общества «Родословие», посвященное памяти Мариной Ростиславовны Новосёловой. На заседание пришли представители польской культурной автономии «Огниво», Государственного архива Иркутской области, родственники и друзья Мариной Ростиславовны.

Марина Ростиславовна Новосёлова родилась 23 сентября 1931 года в Иркутске. Ее отец, Ростислав Викторович Сизых (1904–1971), работал в проектных организациях города, мать, Надежда Антоновна (в девичестве Маньковская) (1906–1967), была машинисткой и домохозяйкой. Марина Ростиславовна окончила с золотой медалью среднюю школу № 72 Иркутска, поступила в Иркутский горно-металлургический институт и окончила его с отличием, получив специальность «геофизика». Трудовая деятельность ее началась в Германии в акционерном обществе «Висмут». Затем она работала (1955–1959) инженером в иркутских трестах «ВостСибцветметразведка» и «Иркутскгеофизика». В 1959–1965 годах М.Р. Новосёлова преподавала геофизику в Иркутском геологоразведочном техникуме. В 1965–1968 годах училась в аспирантуре при Институте земной коры СО РАН, затем в этом же институте работала младшим научным сотрудником. В 1972 году М.Р. Новосёлова успешно защитила диссертацию на

соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Став старшим научным сотрудником института, она с 1972 по 1977 год с успехом совмещала научную деятельность с весьма ответственной работой ученого секретаря. До выхода на пенсию в 1988 году ее научные интересы были связаны с расшифровкой гравитационных и магнитных полей Байкальской рифтовой зоны и территории Монголии, с созданием моделей глубинного строения земной коры этих регионов. М.Р. Новосёлова была автором 70 научных публикаций, в том числе соавтором трех коллективных монографий.

Выходя на пенсию, М.Р. Новосёлова активно занялась изучением истории поляков в Сибири и вопросами краеведения. К истории сибирских поляков ее неудержимо влекли собственные родовые корни: ее мать происходила из семьи польского дворянина. Весьма активно Марина Ростиславовна включилась в работу польской культурной автономии «Огниво» в Иркутске, где занимала на общественных началах должность архивариуса. Много времени она уделяла кропотливой работе в архивах и библиотеках. Ее трудами собран большой материал по деятельности «Огнива», к истории поляков в Сибири в целом.

С созданием в Иркутске общественной генеалогической организации «Родословие» Марина Ростиславовна активно подключилась к ее работе. Она подготовила ряд сообщений по генеалогии, выступала с докладами на различных конференциях в Иркутске, Томске, Новосибирске, Варшаве, принимала участие в организации выставок в областном краеведческом музее, в музее города Иркутска, в музее декабристов. Занимаясь генеалогией собственной семьи, Марина Ростиславовна документально восстановила биографию своего прадеда Я.Н. Сизых, потомственного почетного гражданина города Иркутска, составила каталог книг, напечатанных в принадлежавшей ему типографии.

Марина Ростиславовна отличалась ясностью ума, логичностью суждений. Ее способности прирожденного лектора и педагога отмечали многие. Ей была присуща исключительная отзывчивость, она щедро делилась своими знаниями и находками, помогала словом и делом. Много внимания она уделяла семье, особенно внукам, собственноручно подготовив для них 22 альбома. Нельзя не сказать о том, что нереализованными остались способности Марины Ростиславовны к художественному творчеству. Она всегда вела дневник, написала повести о матери и отце, оставшиеся в рукописях.

Память Марины Ростиславовны Новосёловой на заседании была почтена подготовленными выступлениями членов общества «Родословие» и культурной автономии «Огниво», личными воспоминаниями собравшихся.

НОВЫЕ КНИГИ

Летопись Историко-Родословного общества в Москве. — М., 2004. — Вып. 8/9 (52/53). — 192 с.

Историко-Родословное общество в Москве — одно из старейших генеалогических обществ России — было основано Л.М. Савёловым в 1904 и просуществовало до 1917 года. В этот период обществом было издано 44 выпуска «Летописи Историко-Родословного общества» — первого русского генеалогического журнала. С возрождением деятельности ИРО в 1990 году возобновилось и издание «Летописи». Очередной выпуск продолжает знакомить читателей с отечественными и зарубежными родословиями и родословными сюжетами, работами методического характера, историческими источниками и документами, справочными и библиографическими материалами, информацией о международных генеалогических событиях, хроникой деятельности ИРО и его отделений.

Все живы в памяти моей...: Альманах Ярославского историко-родословного общества. — Ярославль, 2004. — Вып. 1. — 221 с.

Ярославское историко-родословное общество образовано в 2001 году при Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. В первом выпуске альманаха представлены работы членов общества за три года существования. Главными целями авторов альманаха являются изучение и сохранение истории семьи, рода, своего края, популяризация генеалогических знаний, а также помочь ярославцам, в первую очередь подрастающему поколению, в изучении родословий.

Красноярский родослов: Информационный бюллетень Красноярского краевого историко-родословного общества. — Красноярск, 2004. — Вып. 2. — 166 с.

Красноярское краевое историко-родословное общество было создано в 1993 году как филиал Историко-Родословного общества в Москве. Второй выпуск информационного бюллетеня, издаваемый обществом, включает в себя статьи

по методике генеалогических исследований, результаты изучения сибирских родословных и их поколенные росписи, краеведческие, справочно-информационные и другие материалы.

Варфоломеева Г.И. Двойная спираль. — М., 2004. — 384 с.

В книге подробно рассказывается об архивных поисках родовых корней. Автору удалось составить свою родословную по трем ветвям предков — государственных крестьян — с конца XVIII века. В работе представлены интересные факты из истории страны и Сибири, а также выполнены подробные описания жизни, быта, традиций, приведены образцы фольклора середины XX века в сибирском городе.

Глушков А. Славная родословная: Роман-хроника о жизни и деятельности шести поколений одной семьи. — Иркутск, 2004. — 351 с.

В книге рассказывается о жизни русской крестьянской семьи, которая в начале XX века в поисках лучшей доли, преодолев огромное расстояние от берегов реки Вятки, оказалась на благодатных землях Алтая. Именно здесь, на стыке нынешних Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края, в нынешнем Залесовском районе, в 1911 году начался новый этап жизни дружного и многочисленного рода Глушковых. Написанная в жанре документально-художественного повествования, книга живо и увлекательно повествует о судьбах представителей разных поколений рода на протяжении XX столетия.

Евтушенко В.П. Древо плодоносящее: Биография уникальной литературной династии Матвеевых. — Владивосток, 2004. — 187 с.

Книга биографических очерков посвящена жизни и деятельности 15 представителей семьи Матвеевых, внесшей значительный вклад в развитие истории, литературы, культуры, печати, библиографии и краеведения Дальнего Востока. Наряду с материалами из личного архива автора, внука Н.П. Матвеева-Амурского, и воспоминаниями родственников при работе над книгой были использованы различные материалы, хранящиеся в библиотеках, музеях и архивохранилищах страны.

СТИХИ

Георгий Граубин,
г. Чита

ПРАДЕДЫ

Кем был твой прадед на Руси —
Свою фамилию спроси.

Есть в каждом классе Кузнецов.
Кто прадед Кузнецова?
Он был из рода кузнецов,
Отец отца отцова.

У Гончарова прадед знал
Гончарный круг и глину.
У Дегтярева — деготь гнал,
В дегтярне горбил спину.

Быть может, юный Столяров
И с долотом не сладит,
А прадед был из мастеров,
Он столяром был, прадед.

С пилою Пильщиков дружил,
Мял Кожемякин кожи.
В атаки Воинов ходил,
Стрельцов сражался тоже.

А вот Октябрьский был рожден
Совсем в другую пору:
Матросов в Зимнем помнит он
И грозную «Аврору».

Звучат, как музыка, как стих,
Фамилии простые.
Вглядись — и ты увидишь в них
Историю России.

Татьяна Ковальская,
г. Черемхово Иркутской области

ПРАДЕДА ИЗБА

Притомился, притулился
К окосячине косяк.
Дом сносился, покосился,
Половицы так и сяк.
Где ты, прадеда изба?
От вины меня избавь...

Там ли поле, те ли ели,
Те ль по бережку пески?
«Леншки пешни женшки пели,
Клали рыбку в туески...»
Ну-тка, прадеда изба,
Позабавь-ка, позабавь!

Эти ели среди поля
На пологом берегу
Наше место родовое
Для потомков стерегут.
Вот и прадеда изба.
Где же крыша, где резьба?

Только стены постепенно
Порастают здесь быльем.
Мы о предках помним редко,
Мы другой рекой плывем.
Ты прости меня, изба,
Мне сейчас не до забав.

Знаю я, к тебе подхода
Для машин сегодня нет.
Через окна теплохода
Шлю тебе я свой привет.
Подожди, изба, постой!
Я приеду на постой!

Ты расскажешь, ты прошепчешь,
Ты мне тихо проскрипишь,

Как живали, как рожали,
Были с небылью скрепиши...
До свидания, пока-а-а...
Унесла мой вздох река.

*Андрей Румянцев,
народный поэт Бурятии, г. Иркутск*

ОТЕЦ

Был работником.
Утром из дома
Уходил, пропадал до темна.
И была ему в поле знакома
Зоревая тропа не одна.

Ставил стог,
На Байкале рыбачил,
Рыл колодцы,
Подковы ковал,
Воду вел на луга —
Не иначе
Сто ремесел на свете знал.

Утро ясное раннее было.
Гулкий август, большая страда.
Чтобы встать,
Ему сил не хватило.
Отработал свое.
Навсегда.

В тесном доме,
Где знал он заботу,
По наследству
Оставил он мне
Лишь неначатый день
Да работу
На проснувшейся страдной земле.

Николай Кононов,
г. Иркутск

МАМА

(отрывок из поэмы «Малиновое солнце»)

Милая, дорогая
Мама моя!
За пропуски журя, ругая,
В детстве ты учила меня.
Ты учила любви высокой
К людям, к стеблям травы-муравы,
Как ходить по земле широкой,
Не клоня головы.
Помнишь, первый мой шаг... Был он робкий.
Но улыбкой твоей ободрен
Я уж завтра шлепал по тропке
К озерцу, что цвело за бугром.
На сиденье жнейки соседской,
Загрустившей вдруг по жнивью,
Я вскарабкался и уселся,
Будто бы на ладонь твою.
И, восторженно вдруг глазея,
С первой той высоты
Вдаль смотрел на моря и земли
Необычнейшей красоты.
Красоте той солнечно-дерзкой,
Той, что свято всю жизнь храню,
Ты меня научила в детстве,
Сказку сказывая свою.
Сказка сказкой. А жизнь сурово
Разненастилась потом.
Из обжигого отчего крова
С топором, с долотом
Напрочапилось все семейство
С мест родных дорогих
Из-за глупостей повсеместных
И чужих и своих.
Лишь шалюшка пуховая,
Чтоб меня согревать слегка,

От всего хозяйства отцовского
Нам досталась не без греха.
Не во гневе ты на тех писарей:
Им самим был опрос не всласть.
Не в обиде ты на тех рыцарей,
А тем более на власть.
Власть Советская, власть народная
И работу, и хлеб дала.
И рекой крутой многоводной
Жизнь по-новому потекла.

Батя врос в путейское дело,
Бил до пота по костылям,
Забивая их ошалело,
Забывая родные поля.
Трудолюб, до работы охочий
Вверх пошел, в высоту.
Предложили и — хочешь не хочешь —
Поезжай на курсы в Читу.
Из Мирсаново, из Мирсаново
Протянулась дорога, как холст.
Поезд с вечера раннего самого
До рассвета медленно полз.
И зачем же в Читу из Мирсаново
Слали, взяв за бока,
Заставляя учиться заново,
Малограмотного мужика?
Ой, хитра была власть Советская!
И хитра, и мудра.
Цель-задача была простецкою —
Чтоб скорей пошли поезда.
И действительно, и действительно
Побежали скорей поезда.
Перед хлопцами, шею вытянув,
Я гордился работой отца.
Молвил я пред ребячым миром,
Что и ты — не одна! —
Рядом с папою-бригадиром
Вон как трудитесь до темна.
Я ж учился. До школьной горки
За пять верст хлебал киселя.

Иногда приносил пятерки,
Сердце мамино веселя.
И она в ликбез записалась,
Чтоб от сына не поотстать,
В первый раз в тридцать лет расписалась,
Взявши грифельную тетрадь.
И явилась своя ей фамилия
Светлой вязью на темном листе.
Мама милая, мама милая
Грамотеем стала в семье!
Правда, много книг не читала,
Говорила:

— Все недосуг...
И превыше всего почитала
Красоту натруженных рук.
Ну и что — что они морщинисты,
Как я гладил их, целовал!
Как такую утрату вынести
Мне теперь? Кто бы знал!
Мне на память приходит поляна,
Где косили мы травы с тобой,
Когда был я совсем мальчуганом,
Ты ж была совсем молодой.
Мне припомнилась дивная осень,
Как ты в школу меня вела.
В первый раз в первый класс. Мне восемь
Лишь исполнился тогда.
Как в военные годы грозные
В сотый раз мне чинила носки,
Как ходили к пашне колхозной
Мы с тобою по колоски,
Как водой поливали грядки,
Чтобы овощ тучнее рос,
Как журила, коль не в порядке
Находила мои тетрадки,
Ставя многое под вопрос.
Если чем-то тебя я состарил,
Очень, очень простить прошу.
Я ж тебе за все благодарен.
Я ж тобой и дышал, и дышу.

КАК ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТЬ В ПОУЧЕНИИ И СТРАХЕ БОЖЬЕМ*

А пошлет Бог кому детей — сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху Божию и вежливости и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей, кто в чем способен, какие кому Бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности — упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им и ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от Бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим скорбь и ущерб, от судей же пения и позор. Если же у богообоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию, — такие дети с родителями своими будут Богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут — добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или по Божьей милости своих дочерей за сыновей их выдадут замуж. Если же из таких-то какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселяются такие дети в чертоги вечные, то получают у Бога право просить милости и прощения грехов также и для своих родителей.

* Печатается по книге: Домострой. — М., 2001. — 141 с.